

ВІЛЬНЕ

ВОЛЬНОЕ

КАЗАЧЕСТВО

КОЗАЦТВО

10 Mai 1936

LES COSAQUES LIBRES

IX Année

10 МАЯ 1936 г.

198

10 ТРАВНЯ 1936 р.

ПАРИЖ

PARIS

ГОД ИЗДАНИЯ 9-й

РІК ВИДАННЯ 9-ий

Содержание:

1. **И. Билый:** Новая тактика Сталина в казачьем вопросе — очередной обман Казачества?
2. Трагедия Казачества.
3. **А. Ленизов:** Расправа с донскими Казаками в 1792—1793 г.г.
4. **Владимир Куртин:** С Владикавказским кадетским корпусом.
5. Казачья эмиграция.
6. **Яков Безгласный:** Не пора ли?
7. **Еф. Якименко:** Доколе же?
8. Думы и мысли.

Почтовый ящик:

Петровград. **З. К.** Будет напечатано. Привет.
Мондевилль. **К. Л.** Получено. Спасибо, Привет.
Луцк. **С. Р.** Книга заказана. Привет.
Дамплиер. **Л.** Получено. Спасибо. Привет.
Тулуза. **И. К.** Получено. Привет.
Галац. **А. Б.** Нет. Привет.
Ремба. **Ф. К.** Получено. Спасибо. Привет.
Боло. **Е. Л.** Хорошо. Второй посылаемый на Ваше имя экземпляр журнала давайте читать казакам, не могущим из-за недостатка средств подписаться,

но интересующихся в. казачьим движением. Привет.
Бельфер. **Ф. Ж.** Получено. Спасибо. Привет.
Монферран. **И. П.** Получено. Будет напечатано. Привет.
Кнютанж. **А. И.** Спасибо. Привет.
Валянс. **З.** Исполнено. Привет.
Сплит. **В. К.** «Гур» получен. Будет напечатан. Привет.
Флоренция. **Н. П.** Получено. Адрес будет сообщен. Привет.
Бразилия. **И. Г.** Ответ будет письмом. Привет.

ВМЕСТО ОТВЕТА:

Не раз уже мне приходилось переживать «неприятности» из-за своей «неисправности» в переписке — главным образом — из-за несвоевременных ответов на письма в. казаков.

Вероятно в. казаки поверят мне в том, что работы у меня, чем дальше, тем прибавляется все больше, а силы мои — все те же, а главное — время остается все тем же и прибавить его никак нельзя.

Вот и сейчас, вернувшись из поездки, нашел некоторые «недовольные» письма.

Пишу это для того, чтобы сказать, что если я когда отвечаю слишком кратко, а то и совсем не отвечаю, то не потому, что не хочу, а потому, что не успеваю это делать.

Предупреждаю наперед, что всякие неисправности в переписке будут весьма возможны у меня и в будущем, но я хотел бы, чтобы недовольные, раньше, чем выражать свое недовольство, подумали и о том, что я только что написал выше.

И. БИЛЫЙ.

К КАЗАЧЬИМ ПАТРИОТАМ В ПОЛЬШЕ.

В апреле с. г., по инициативе вольных казаков Луцкой ВК станицы вышел первый номер журнала «Казачья Воля».

Это прекрасное начинание заслуживает внимания и поддержки со стороны вольных казаков ВК организаций в Польше.

Казачьи патриоты в Польше должны обеспечить продолжение дела луцких инициаторов. Нужно не так уж много и при желании казачьи националисты такую помощь оказать в состоянии.

Верю, что настоящий голос мой будет услышан и скоро в свет выйдет 2-ой и дальнейшие номера «Казачьей Воли».

Славу Казачеству!

Походный Атаман ВК инж. **И. Билый.**

В воскресенье 24-го мая в помещении: 15, ав. Ош (Париж 17)
(метро: Этуаль, Терн, Курсель)

Походный Атаман ВК инж. **И. А. Билый**

окончит свой доклад на тему:

ЧТО ДЕЛАЕТСЯ СЕЙЧАС В КАЗАЧЬИХ КРАЯХ — НОВАЯ ТАКТИКА СТАЛИНА В КАЗАЧЬЕМ ВОПРОСЕ — ОЧЕРЕДНОЙ ОБМАН КАЗАЧЕСТВА. — ГДЕ ЖЕ ВЫХОД?

После доклада — обмен мнений.

Начало доклада — в 14 с половиною часов.

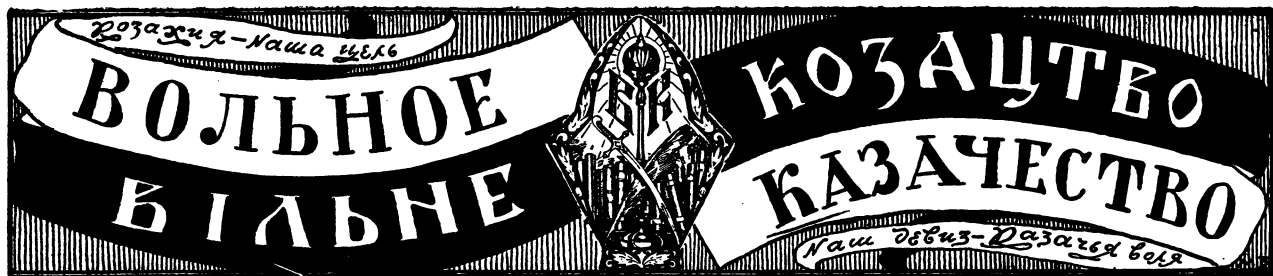
На покрытие расходов — 2 фр. Безработные казаки бесплатно.

БОЛЬШИЕ СОБЫТИЯ.

— Война в Абиссинии кончена. Абиссиния присоединена к Италии. Итальянский король провозглашен императором Абиссинии. 9-го мая Муссолини объявил о восстановлении Римской Империи.

— В Англии «разочарованы» Лигой Наций. Говорят о необходимости реформы ее.

— Во Франции на парламентских выборах 26-го апреля и 3-го мая одержали верх левые партии. Большой успех выпал на долю коммунистов. Предстоит образование левого кабинета во главе с социалистами при поддержке или даже и при участии коммунистов.

— LES COSAQUES LIBRES —

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический

Revue bi-mensuelle littéraire et politique

Редактор-издатель: инж. И. А. Билый

Редакция и администрация: 10, Rue Victorien Sardou, Paris (16)

№ 198.

Воскресенье 10 мая 1936. — Ниділля 10 травня 1936.

№ 198.

И. Билый.

Новая тактика Сталина в казачьем вопросе — очередной обман Казачества?

(Доклад, прочитанный 18 апреля в открытом собрании Парижской ВК имени А. И. Кулабухова станицы).
(Продолжение).

Два слова о параде 17-го марта из «Молота» (18-го марта):

«На своих колхозных конях выстроились почетные гости столицы Азово-Черноморья — казаки Дона, Кубани, Терека, горцы Адыген и Северного Кавказа. В величественной тишине застыли шеренги подразделений, осовавиахимовских отрядов трудящихся... Звонко разносятся над притихшей площадью слова командующего парадом, майора т. Звайзне. Ликующие звуки «интернационала» сливаются с гулом горячих приветствий и радостными криками ура!.. — Торжественный парад открывают донские казаки. С саблями наголо они лихо мчатся мимо трибуны, сопровождаемые приветственными криками и дружными аплодисментами. За ними вихрем пролетают казаки Кубани, адыгейцы, терцы, — Маршал Сов. Союза С. М. Буденный, руководители края любовно осматривают с трибуны ровные ряды кавалеристов: — Славным донцам — ура! — Доблестным горцам — ура!...»

— «Каким вниманием и заботой окружили пролетарии славных советских казаков!» — восклицает «Молот». — «Около 350 тысяч трудящихся приняло участие в параде и демонстрации, посвященной межкраевой встрече колхозных казаков и горцев»..

На торжествах говорили речи. Два раза говорил Буденный, говорили Шеболдаев, Евдокимов и Каширин.

Первый раз Буденный говорил «на торжественном пленуме Ростовского городского совета 15-го марта» на общую тему: «Советские казаки — неотделимая часть великой семьи народов СССР». По мнению Буденного, «сегодняшние казаки — советские казаки — ничего общего не имеют со старым, позорным прошлым. Это — социалистические казаки, являющиеся неотделимой частью великой трудовой семьи народов СССР»..

Не менее бесцветна и речь «маршала» на параде 17-го марта: «Партия Ленина-Сталина повернула казачество на советский, социалистический путь и на этом пути казачество закрепилось прочно и навсегда»..

На программную речь похожа, хотя и не ориги-

нальна, речь командующего военным округом т. Каширина. Говорил он о международном положении, об обороне СССР и красной армии, об успехах социалистического строительства и о задачах советского казачества.

Говоря о международном положении, Каширин, обращаясь к казакам, заявляет: «Ваш приезд сюда, к нам в гости, в Ростов, совпал с несомненным ухудшением всей международной обстановки. За последние 5—6 месяцев, особенно теперь, в последние дни, международная обстановка чрезвычайно осложнилась. Опасность новой войны возросла в огромной степени. Невозможно, конечно, точно предсказать, когда грянет новая война, но ясно, что она может возникнуть внезапно, совершенно неожиданно... Япония лихорадочно подготавливает войну... Подготавливая новую войну против СССР, германский фашизм ищет для себя союзника в лице Японии и вступил в особые отношения с Польшей. Германские фашисты и японская военщина хотят одновременно зажечь пожар войны на восточных и западных наших границах»...

Говоря об обороне СССР и красной армии, повторяет еще раз: «Международное положение в настоящее время чрезвычайно тревожно. Война может грянуть внезапно и острее ее будет направлено против Советского Союза, против нашей великой родины»....

«Имено... поэтому сейчас... все мысли и лучшие чувства всего советского казачества... направлены... к нашей родной героической красной армии... — Наша красная конница является сейчас самой могучей, самой организованной, самой передовой конницей, которой не имеет ни одна армия и которой не знала мировая история... — Однако... этого все таки недостаточно. Нужно иметь больше отличных всадников, иметь много прекрасных коней. Современная обстановка пред'являет особо повышенные требования к подготовке всадников и к подготовке и воспитанию хорошего коня... Именно поэтому нам нужно всячески поддерживать огромную работу, которая сейчас развернута в массовом масштабе и в Азово-Черноморьи и на Северном Кавказе, работу клубов и кружков

ворошиловских кавалеристов. **Клубы и кружки ворошиловских кавалеристов должны в кратчайший срок дать нашей красной коннице тысячи и десятки тысяч подготовленных бойцов - всадников и бережно воспитать десятки тысяч боевых коней»...**

Конец речи — все на ту же тему: «В будущих схватках с нашими врагами **советское казачество** Дона, Кубани и Терека, несомненно, **будет одним из передовых и героических отрядов, борющихся за колхозный строй, за великую родину, за дело Ленина-Сталина»...**

Чувством меры большевицкие ораторы, во всяком случае, не отличаются. Вот, напр., т. Евдокимов — секретарь Северо-Кавказского крайкома партии — ничтоже сумняшеся заявляет, что «теперь, строя собственными руками свое счастье, свои колхозы, освобожденное (! И. Б.) советское казачество восстанавливает те славные исторические традиции, которые составляют честь и гордость нашего (какого? И. Б.) свободного народа»...

Трудно сказать, верит или не верит сам себе т. Евдокимов, когда он говорит, что «Ударная стахановская работа в колхозах на пользу всего общества, на пользу всего трудового народа, беспредельная, самоотверженная любовь к родине, повседневная готовность грудью защищать свободную колхозную жизнь от происков врагов, безграничная любовь к коммунистической партии, к величайшему вождю народа т. Сталину — все это делает честь советскому казачеству»... — И т. Евдокимов говорит о «всличившем энтузиазме и производственном подъеме, о **коренном переломе в советском казачестве»**... Евдокимов уверен, что «сегодня **советские казаки борются за колхозный строй, за дело партии, за оборону страны»**... (Борются ли? И. Б.).

Евдокимов утверждает, что в прошлом «казачья лихость проявлялась в отношении безоружных трудящихся масс». Ныне же «лихость казачья, помноженная на совершенную технику, даст действительно чудеса и наше советское казачество не будет знать поражений. Если придется, паче чаяния, рубать, то рубанем по-настоящему»...

Наиболее интересной (с определенной, конечно, точки зрения), наиболее программной была речь Шеболдаева — секретаря Азово-Черноморского крайкома партии. Остановимся, поэтому, на ней подробнее:

«Мы придаем — заявил Шеболдаев — **огромное политическое значение настоящей встрече казаков Азово-Черноморского и Северо-Кавказского краев и горцев с рабочими города Ростова**. Настоящая встреча означает, что та часть населения нашего края, которая раньше активно выступала против революции, которая в свое время боролась против советской власти, которая в 1932 году больше всего поддалась кулацкому саботажу, сейчас полностью и целиком с нами. Эта встреча означает еще большее увеличение наших сил, сплочение нашей единой трудовой колхозной семьи, это означает усиление нашей хозяйственной и нашей боевой мощи. Именно поэтому рабочие и трудящиеся с такой честью, радостью, с таким торжеством встречают наших колхозных советских казаков в пролетарской столице нашего края... — Сейчас мы встречаем **новое казачество**... Эта встреча для **самых казаков означает очень многое**, ибо она подводит навсегда черту под всем тем тяжелым и мрачным прошлым, которое еще порою тяготело над казачеством. Ведь до настоящего времени даже та часть казачества, которая полностью доказала свою преданность колхозам, которая доказала всю готовность защищать светскую родину, — даже **эта часть казачества не любит вспоминать свое казачье происхождение, стыдясь своего прошлого**. Нередко есть еще среди казаков такие, которые чувствуют себя как бы **на положении побежденных**. Ясно, что даже при остатках таких настроений не может быть полной, настоящей самоотверженной работы, действительного единодушия, действительного подъема во всех наших колхозных делах. — Есть такие товарищи, которые и сейчас не по-

нимают, почему мы ставим вопрос о казачестве. Говорят, что этим можно даже оживить старую рознь среди казачества и остального населения. Это совершенно неправильно. Наоборот, только когда мы действительно этот вопрос поставим ребром, когда мы подведем открыто и навсегда черту подь мрачным прошлым казачества, когда покончим с **затасанными сомнениями в своем равноправии**, когда эти сомнения у казаков отпадут — вот тогда действительно у нас будет единая семья труженников в наших станицах... Именно для того, чтобы показать это, **мы создали наши конные казачьи сотни в старой форме донского, кубанского и терского казачества, в той форме, которая в свое время разделяла нас от казаков**... — Сейчас казачество, новое советское, колхозное казачество может с поднятой головой прямо смотреть в глаза всем, может, не оглядываясь назад, вместе со всеми бороться за великое дело, стать равноправными труженниками в нашей свободной (! И. Б.) родине...

«Мы хотим не только **включить новое советское казачество на полноправных основаниях в свои ряды, — мы хотим от казачества взять то хорошее, что у него есть, что у него было**... Мы возьмем от казачества то, что у него было хорошего, несмотря на то, что в свое время служило царю, помещикам и капиталистам. Возьмем боевой дух, отвагу, закалку, любовь к коню, умение владеть шашкой, любовь к военному делу, любовь к своей (какой? И. Б.) родине. Недаром все казаки ставят вопрос о службе в кавалерийских частях, о создании донской, кубанской, терской кавалерийских дивизий, о службе в них со своим колхозным конем и снаряжением»...

«То представление, которое было раньше о казачестве, как о полудиком, полуазнатском войске, сейчас устарело. В нашей стране есть новые наши, советские казаки, которые знают, как надо будет владеть конем, шашкой и как нужно будет владеть и современной военной техникой, которые сознательно **будут защищать свою (какую? И. Б.) родину**».

«Когда казаки говорят о том, чтобы создать кавалерийские дивизии, полки, сотни — донские, кубанские, терские, — что мы думаем? Хотим ли мы, чтобы казаки отделились от других наших колхозников? Хотим ли мы, чтобы в казачьих кавалерийских частях, кроме казаков, не было остальных колхозников, рабочих? Я думаю, что нет. Я думаю, что **вместе с казаками в этих наших казачьих кавалерийских частях будут и наши красные партизаны, и наши герои Таманской армии, герои первой конной армии и пролетарии Ростова, Таганрога, Шахт и других городов, то есть, будут все те, кто населяет наш чудесный край**. — Вот и сейчас в **прибывших сюда казачьих сотнях имеются не только казаки, а и другие колхозники**... Мы можем думать о том, чтобы **все наше население стало действительным оплотом обороны нашей страны**. В этом смысле мы можем желать, чтобы **весь наш край, все наши станицы, все наши колхозы и села стали казачьими**. — Мы возьмем то, что было хорошего, боевого у казачества, мы передадим это всему остальному нашему населению... и создадим из нашего колхозного края **несокрушимую крепость нашей великой родины**»...

«Я думаю, продолжает Шеболдаев, что наше советское, колхозное казачество будет драться в десятки, сотни раз лучше, чем оно дралось раньше. Раньше казаки дрались за чужое дело, за царское, за генеральское, за помещичье и капиталистическое дело. Сейчас оно будет драться за свое родное, колхозное, советское дело, будет драться до конца и как никогда раньше»...

«Мы не должны допустить, чтобы к тому большому подъему, который переживает казачество Дона, Кубани, Терека, примазался или попытался использовать его враг. Мы не допустим, чтобы за спину советского казачества попытался укрыться контрреволюционер атаман, кулак или белогвардеец. Мы будем одинаково бить врага и на границе, и у себя дома, если он поднимет голову»...

Но

«Мы придаем огромное значение этой встрече с лучшими представителями колхозного, советского казачества и я должен сказать (признается Шеболдаев), что все это дело есть инициатива нашего великого Сталина... Именно Сталин поставил вопрос о том, чтобы вызвать в Москву наших донцов на совещание животноводов для того, чтобы лучших казаков наградить орденами и этим самым показать, как надо относиться к казачеству, чтобы оказать этим внимание всему казачеству. — Беседа наших донцов, поехавших в Москву, с т. Буденным, приезд т. Буденного сюда, внимание печати к казачеству — все это по инициативе т. Сталина, нашего большевистского центрального комитета партии. И это означает, что партия знает, какие огромные изменения произошли в казачестве, видит новый путь, на котором встало колхозное, советское казачество и всячески поддержит казачество в его служении великой родине»...

«На внимание т. Сталина, кончает Шеболдаев, мы должны ответить таким урожаем, чтобы наши слова об удвоении урожайности не остались бы словами, а превратились бы в нашу донскую, кубанскую пшеницу, чтобы наши разговоры о коне превратились в сотни тысяч лучших донских боевых коней. Наконец, наши речи о преданности советской родине должны превратиться в десятки и сотни тысяч лихих кавалеристов»...

Торжества кончены. Казаки отправились по домам.

Донская сотня из Каменска написала письмо ростовским большевистским главарям — конечно, благодарственное. В письме этом советские казаки еще раз обещают «свою отвагу, лихость и упорство, свою железную дисциплину направить на дальнейшее укрепление колхозного строя, на защиту социалистической родины и обращаются к Шеболдаеву, Ларину и Каширну с такой просьбой:

«1. Помочь приобрести чистокровных и полукровных английских жеребцов для того, чтобы в 2—3 года получить лучшую лошадь донской породы. 2. Похлопотать и ускорить решение вопроса... об организации донской кавалерийской дивизии и позволить послать молодых казаков в красную армию на колхозных конях. 3. Чтобы казачью форму носили все колхозники и трудящиеся Дона и — помочь развернуть торговлю седлами и другим спортивно-стрелковым инвентарем для членов клубов ворошиловских кавалеристов всех трудящихся Дона. 4. Организовать соревнование донских, кубанских и терских казаков на лучшую подготовку ко всеобщему конному пробегу. Одновременно донцы вызывают кубанцев и терцев на соревнование».

Самый интересный вопрос здесь — вопрос о донской дивизии. О том, что такой вопрос уже поставлен, мы знаем уже из цитированной выше речи Шеболдаева. Возникновение и постановка вопроса, согласно «Молота», такова:

На торжественном пленуме Ростовского городского совета 15-го марта вопрос этот в своем приветственном слове поднял казак Дударевского сельсовета, Вешенского района, т. Ушаков: «Мы просим, сказал он, чтобы нам, советским казакам, разрешили служить в красной армии на собственных колхозных конях. А Вас, Семен Михайлович (Буденный), очень просим похлопотать перед дорогим товарищем Сталиным и перед товарищем Ворошиловым, чтобы организовать Донскую казачью дивизию, где бы донцы могли служить на своих колхозных конях»...

Семен Михайлович ответил немедленно: «Казак из Вешенской т. Ушаков просил меня передать вождю народов т. Сталину о том, что донские колхозные казаки просят организовать советскую донскую казачью дивизию, о том, чтобы разрешили казакам Дона служить в красной армии на своих колхозных конях. Эта просьба говорит о великом желании всего колхозного казачества Дона защищать границы Советского Союза от любого врага. Желаю вам (колхоз-

никам и колхозникам Северо-Донского округа) успеха в весеннем севе, в борьбе за удвоение урожайности. Особо призываю вас растить коней-дончаков побольше и получше». («Молот», 16-го марта).

Вернулся к этому вопросу Буденный и в своей речи 15-го марта:

«Что касается, товарищи казаки, вашего желанья служить в коннице на своих колхозных лошадях, то это дело в наших с вами руках. Но для этого нужно еще много и крепко поработать над воспроизводством хорошей боевой лошади, особенно донской породы».

Говорил по этому вопросу и Евдокимов: «Здесь были высказаны просьбы — организовать донскую, кубанскую и терскую дивизии. Я присоединяю свой голос за это»...

Итак, большевики возвращают казаков — к царским временам: опять служба России на своем коне и со своим снаряжением. Круг замкнулся. И выходит так, что делают это оккулянты по.., просьбе самих же казаков...

То, что было на празднике советского казачества в Ростове 14—17 марта, было не завершением чего либо, не подведением итогов, а только началом всего того, о чем там так громко говорилось. Это был парад начала. Но большой вопрос — что будет завтра, к чему и куда поведет дальнейшее развитие намеченного московскими коммунистами «нового курса» в отношениях к казакам, ответит ближайшее будущее.

В Ростове, судя по описанию «Молота», все было прекрасно. А как на местах? Как в станицах — так же все хорошо и блестяще?

Во всяком случае, после ростовских торжеств «Молот» дал дальнейший лозунг: «Шире движение ворошиловских кавалеристов». Но в том же «Молоте» (20-го марта) находим некоторые указания на то, что на местах не все так хорошо, как того хотели бы устроители ростовских празднеств.

Сам Буденный напоминает, что «ограничиваться только селом нельзя. Создавать клубы ворошиловских кавалеристов нужно на фабриках и заводах. Нужно организовать работу клубов и кружков ворошиловских кавалеристов так, чтобы охватить ими наибольшее число молодежи»...

Ему отвечает «Молот»: «К сожалению, пока что не слышно, чтобы на крупнейших предприятиях нашего края: на Ростсельмаше, на металлургическом заводе имени Андреева, на Сулинском заводе, на Лензаводе, на цементных заводах Новороссийска, в наших совхозах взялись бы как следует за организацию кружков ворошиловских кавалеристов. Почему-то молчит до сих пор Краевой Совпроф и краевые комитеты профессиональных союзов. В стороне и спортивные общества»...

Не так хорошо и в провинции. Тот же «Молот» (20-го марта) признается и предостерегает: «Нужно с самого начала предостеречь от парадной шумихи, за которой сплошь и рядом скрывается игра в цифирь. В Адыгее, например, где имеется уже 80 колхозных кружков, серьезная работа по сей день не налажена»...

Вообще — «в развитии движения ворошиловских кавалеристов сделаны только первые шаги. Впереди — большая, серьезная работа».

Для самого «Молота» все, конечно, ясно: «Казачество Дона и Кубани, начавшее это дело, должно все замечательные черты, присущие ему — отвагу, дисциплинированность, любовь к коню — направить на то, чтобы наши клубы и кружки стали подлинной кузницей кавалеристов высокого класса, способных в любой момент стать за защиту великой социалистической родины».

Как видим, большевики слишком много говорят о внешней опасности, якобы грозящей СССР.

Интересный вопрос: кто же внешние враги СССР? Кого приучают там не любить? Против кого создают соответствующие настроения? — Таких внешних врагов три: Япония, Германия и Польша. Большевики не

только не скрывают, а — больше того — проповедают, что сражаться в недалеком будущем придется им именно против этих трех государств.

Я не исчерпал всего имеющегося у меня под руками материала, характеризующего нынешний «курс» оккупантов в Казачьих Землях. Но наиболее важный материал я использовал. При чем, я старался наиболее полно представить точку зрения самих большевиков, их мотивы, их собственного поведения, их планы, их настроения. В этом отношении советской прессе можно верить.

Но есть вопрос иной: вопрос о настроениях, поведении, отношении к большевицким начинаниям казаков — объекта в данном случае «нового курса» оккупантов. Что касается этой стороны дела, то доверять во всем большевикам здесь, по понятным причинам, не можем. Большевицкая пресса — сторона заинтересованная и не добросовестная.

Вопрос о тамошних настроениях казаков не советских следует поставить особо и для характеристики их, кроме советских данных, нужны иные материалы, иные свидетельства...

Но, вернемся к нашей сегодняшней прямой теме. «Новый курс» большевиков по отношению к казакам, как мы уже видели, явление последних двух месяцев. Курс этот более широк, чем глубокий, и **сказать казакам, в связи с ним, какие либо иллюзии совершенно не приходится. О действительных переменах, о серьезной постановке казачьего вопроса мечтам абсолютно нет места.** Все то, что делается, делается, конечно, не искренно. Да и суть всего того, что делается, сводится к тому, что по крайней мере **вдвое увеличивается теперешняя нагрузка казаков; все старое остается плюс двойной урожай плюс служба на своих конях и со своим снаряжением — защита от внешних врагов своих поработителей.** Словом, **возвращение к старым царским временам в ухудшенном и более тяжелом издании.**

Большевики пытаются даже как будто обосновать свой новый курс, говорят казакам комплименты, полезли даже в казачью историю... Но как все это неискренно, как поверхностно, как невежественно, как бесцеремонно подгоняется все под собственные желания!

Раньше для них само слово казак было словом противным. Не выносили они ни слова казак, ни самого казака. Сейчас наперебой хвалят и одно и другое. Вот некоторые образцы оккупантской лести:

«Само слово — казак — раньше было пугалом для рабочего класса, синонимом реакции. Сейчас слово казак стало синонимом честного, колхозного труда и беззаветной преданности (? И. Б.) социалистическому отечеству. Теперь название — казак — становится почетным именем, которое могут с гордостью носить не только природные казаки, но и все колхозники Дона, Кубани и Терека»... (Н. Д. Каширин, «Молот» 15-го марта).

«По новому звучит сейчас слово казак. Иные чувства — чувства счастья и гордости вызывает сегодня у пролетариев, у свободных народов нашей страны казачий бешмет и черкеска, казачьи лампасы и шашка» (передовая «М.» 16-го марта).

«Совершенно по-иному звучит сейчас слово «казак». Если раньше оно олицетворяло реакцию, то сейчас оно стало символом крепнущих колхозов, символом безграничной преданности власти советов. И пусть советский казак носит черкеску, кубанку, лампасы, бешметы, пусть поет свои казачьи песни, прославляющие колхозную жизнь, советскую родину»... (Передовая «Молота» 4-го марта).

Приведем дальше несколько исторических «экскурсий» советских заправил.

Вот, напр., т. Каширин — оренб. казак, командующий военным округом, говорит так: «Начальный этап истории казачества связан с борьбой крестьянства

за волю. Те крестьяне, которые хотели избавиться от жестокого крепостного права, бежали на далекие окраины России, за пределы досягаемости царского правительства. На Волге, на Урале и на Дону в вольных степях складывались ватаги вольных людей — казаков»... («М.» 15 марта).

Что это — невежество или «политика»? Я склонен больше думать, что это невежество. Так или иначе, но по Каширину выходит, что **если бы русское крестьянство не боролось за волю, не было бы и Казачества.** Вот вопрос только: когда, собственно, боролось русское крестьянство за волю? Боролось ли оно вообще когда за волю?

В царской России казачья история для казаков была под запретом. Запрет этот, как видим, не снят и до сих пор. Но мы, вольные казаки, сбили уже русские замки с казачьей истории и больше никто и никогда уже не сможет повесить их там снова, а скоро придет время, когда **правдивую казачью историю узнают и наши братья там...**

Вот еще один пример большевицкого историка. Некий т. А. Распопин в «Молоте» 15-го марта так пишет:

«Донское казачество возникло в 16-ом столетии, когда на Руси появились воеводы и бояре и крестьяне были превращены в холопов. Сильные духом, наиболее смелые, мужественные и свободолюбивые из них не мирились с боярским гнетом и уходили на окраины Московского царства, в частности, на Дон, куда в те времена еще не доставали жадные руки царей и бояр. Бегство на Дон особенно усилилось после того, как московские цари стали забирать земли в руки правительства и раздавать их своим служилым людям, а крестьян закрепостили... Тихий Дон и привольные степи гостеприимно встретили беглых крестьян. Здесь основывали они свои городки и зимовья, вели независимую, вольную жизнь. Само слово казак, означющее отважного наездника, было символом вольности и свободы человеческой личности»...

За исключением, может быть, последних слов, комментарии совершенно излишни. Но интересно, что тамошние большевицкие историки совсем не расходятся не только с историками здешними русскими, но и с мнением некоторых «русских казаков», ведущих свое происхождение тоже от русских беглых холопов...

Пустившись в казачью историю, большевики не могли, конечно, пройти мимо таких имен, как Разин и Пугачев. Вот что говорят они о них сейчас:

«На протяжении столетий самые крупные крестьянские (? И. Б.) восстания возглавлялись казаками. Казачья вольница этой эпохи выдвинула таких вожаков крестьянских восстаний, как Степан Разин и Емельян Пугачев»... — «Эпоха борьбы крестьянства за его волю... выдвинула таких людей, как Степан Разин и Емельян Пугачев»... (Каширин, «Молот» 15 и 24-го марта).

Не отстает в своих исторических познаниях и Буденный: «История знает не мало революций и восстаний трудящихся крестьян против власти угнетателей. Всем известны славные имена вожаков беднейшего крестьянства и вольного казачества — Степана Разина и Емельяна Пугачева»... («М.» 20-го марта).

Евдокимов («М.» 22-го марта) тоже считает, что Разин, Пугачев и Булавин «были вождями не только казачьей бедноты, но и обездоленного крестьянства».

Как увидим ниже, доля правды в таких утверждениях есть: и Разин и Пугачев пробовали решать русские дела...

Наиболее характерным и наиболее показательным местом в погоне и борьбе большевиков за казачью душу является — безспорно — **признание за казаками лучших черт характера с одновременным желанием использовать их для службы себе и «социалистической родине».**

Вот несколько образцов большевистских признаний и желаний:

15-го марта «Молот» напоминает слова Шеболаева: «Нет ничего несбыточного в том, чтобы **лучшие черты казачества — железную дисциплину, отвагу и упорство, преданность делу — направить на укрепление колхозного строя, на защиту нашей родины**»...

Вот отрывок из передовой самого «Молота» от 4-го марта: «Перед колхозным казачеством нашей страны впереди широкая дорога. **Замечательные черты кубанского казака — высокое чувство дисциплины, упорство и храбрость — надо направить на даль-**

нейший под'ем колхозов, на разгром кулацкого охвота, на дело укрепления **обороны нашей страны**»...

— Не знаем, замечают ли сами большевики некоторые свои собственные противоречия, некоторую невязку, когда они, с одной стороны, говорят о лучших чертах Казачества, а с другой — характеризуют казаков, как недавних «цепных псов» русского царизма, помещиков и капиталистов, о всем казачьем прошлом говорят, как о прошлом позорном, тяжелом, мрачном...

И совершенно непонятно, как такое плохое прошлое могло создать такие прекрасные качества!

(Окончание следует).

ТРАГЕДИЯ КАЗАЧЕСТВА

(Очерк на тему: Казачество и Россия).

Часть III.

(Июль-декабрь 1919 г.)

(Окончание).

КАТАСТРОФА «БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ».

Военные и гражданские руководители «белого движения» начали искать причины неудержимо надвигавшейся катастрофы.

Командующий Добровольческой армией ген. Врангель 9-го декабря 1919 г. подал рапорт на имя Главного командующего вооруженными силами Юга ген. Деникина и в этом рапорте говорил между прочим следующее:

... «Прибыв 26-го ноября в Добровольческую армию и подробно ознакомившись с обстановкой на этом, в настоящее время главнейшем участке общего фронта Вооруженных Сил Юга России, долгом службы считаю доложить следующее: наше настоящее неблагоприятное положение явилось следствием, главным образом, двух основных причин:

1. Систематического пренебрежения нами основными принципами военного искусства,
и 2. Полного неустройства нашего тыла...

Гонясь за пространством, мы бесконечно растянулись в паутину и, желая все удержать и всюду быть сильными, оказались всюду слабыми.

Между тем, в противоположность нам, большевики твердо придерживались принципа полного сосредоточения сил и действий против живой силы врага. В то время, как продвижение Кавказской армии к Саратову создало угрозу коммуникациям восточного большевистского фронта, красное командование спокойно смотрело на продвижение наших войск к Курску и Орлу и неускоснительно проводило в жизнь план сосредоточения ударной массы в районе Саратова с тем, чтобы, обрушившись на ослабленную тысячеверстным походом и выделением большого числа частей на добровольческий фронт Кавказскую Армию, отбросив ее к югу.

Лишь после того, как остатки Кавказской армии отошли к Царицыну и, окончательно обескровленные, потеряли всякую возможность начать новую наступательную операцию, — красное командование, сосредоточив силы для прикрытия Москвы, начало операции против Добровольческой армии, растянувшейся к этому времени на огромном фронте при полном отсутствии разрывов, и, обрушившись на нее, заставило ее покатиться назад.

Несмотря на расстройство транспорта и прочие затруднения, принцип сосредоточения сил проводился красным командованием полностью.

Продвигаясь вперед, мы ничего не делали для закрепления захваченного нами пространства; на всем протяжении от Азовского моря до Орла не было подготовлено в тылу ни одной укрепленной полосы, ни одного узла сопротивления. И теперь армии, катящейся назад, не за что уцепиться,

Бесперывно двигаясь вперед, армии растягивались, части расстраивались, тылы непомерно разрастались. Расстройство армии увеличивалось еще и допущенной командующим армией мерой «самоснабжения» войск.

Сложив с себя все заботы о довольствии войск, штаб армии предоставил войскам довольствоваться исключительно местными средствами, используя их попечением самих частей и обращая в свою пользу захватываемую военную добычу.

Война обратилась в средство наживы, а довольствие местными средствами — в грабёж и спекуляцию.

Каждая часть спешила захватить побольше. Бралось все; что не могло быть использовано на месте — отправлялось в тыл для товарообмена и обращения в денежные знаки. Подвижные запасы войск достигли гомерических размеров — некоторые части имели до двухсот вагонов под своими полковыми запасами. Огромное число чинов обслуживало тылы. Целый ряд офицеров находился в длительных командировках по реализации военной добычи частей, для товарообмена и т. п.

Армия развращалась, обращаясь в торгашей и спекулянтов...

Неудовлетворительная постановка контр-разведки и уголовно-розыскного дела, работавших вразброд, недостаточность денежных для них отпусков в неудачный подбор сотрудников, все это дало большевистским агитаторам возможность продолжать в тылу армии разрушительную работу.

Необеспеченность железнодорожных служащих жалованьем повела к тому, что наиболее нужные служащие при приближении большевистского фронта бросали свои места и перебежали на сторону противника.

Население, встречавшее армию при ее продвижении с искренним восторгом, истрадавшее от большевиков и жаждавшее покоя, вскоре стало вновь испытывать на себе ужасы грабежей, насилий и произвола.

В итоге — развал фронта и восстания в тылу.

Войска, вследствие непрерывных переходов и распутицы, переутомлены до крайности; лошади изнурены совершенно, и артиллерия и обозы сплошь и рядом бросаются, так как лошади падают по дороге.

Состояние конницы самое плачевное. Лошади, давно не кованные, все подбиты. Масса истощенных с набитыми холками. По свидетельству командиров корпусов и начальников дивизий боеспособность большинства частей совершенно утеряна.

Вот горькая правда. Армии, как боевой силы, нет. (Записки, т. 1-й, 257 и далее).

Ген. Деникин не оспаривал в то время вышепри-

веденных утверждений Врангеля, настолько эти утверждения были очевидны.

Ген. Врангель, по своему обыкновению, всю вину провала «белого движения» старался свалить на чужие плечи. Между тем, если бы Врангель действительно хотел быть объективным, он должен был бы признать, что и сам сделал очень много такого, что, вне сомнения, содействовало неуспеху борьбы. Врангель просто не понимал событий, происходивших в самой Великодержавии, как не понимал он и событий, происходивших на Казачьих Землях.

И в певую очередь, Врангель и ему подобные русские люди не понимали совершавшихся национальных революций; не понимали, что Южный фронт держится почти исключительно казачьими силами и что основная масса Казачества борется только за освобождение своих Родных Земель...

Врангель с осени 1918 г. носился с мыслью о необходимости путем военного переворота заставить Кубань идти под командой русских людей; Врангель сделал все, что было в его силах, чтобы не допустить организации самостоятельной Кубанской армии; Врангель всеми силами поддерживал изменническую политику в отношении Кубани со стороны некоторых кубанцев, занимавших ответственные посты в Кубанском Крае; Врангель был душой ноябрьского переворота на Кубани и тот же Врангель путем устранения ген. Мамонтова от командования казачьей конной группой сделал эту группу совершенно небоеспособной...

Подобными своими действиями Врангель принес большую пользу советской России и величайший вред Казачеству...

«Вопрос о «политическом курсе» был поставлен у нас на практическую очередь довольно внезапно. Мы давно, с весны еще болели этим вопросом, много раз говорили о нем и в Особом Совещании, и в общественных организациях, и в частных беседах, но безрезультатно. Сдвинуть его с места помог нам Махно», рассказывает правая рука Деникина, проф. Соколов.

«Собственно, в махновщине не было ничего неожиданного. Движение это, в форме отдельных местных выступлений, наблюдалось уже давно, да и процесс нарастания и, так сказать, «систематизации» его тоже не был тайной для всякого, кто более или менее следил за жизнью нашей большой «провинции». Но только тогда, когда у Махно создалось нечто вроде армии, когда он стал осуществлять элементарные, конечно, стратегические планы, когда он стал серьезно тревожить наш тыл, когда для борьбы с его отрядами пришлось снимать части с фронта, где каждый человек был на счету, только тогда у нас в центре задумались над причинами, питавшими махновщину. В одну из октябрьских сред, вскоре после того, как движение стало затихать, Главнокомандующий предложил всем членам Особого Совещания собрать весь имеющийся у них материал по этому поводу для последующего совместного обсуждения его. Было решено, удобства и скорости ради, сосредоточить это дело в одних руках. Мы должны были передать всю нашу информацию Н. И. Астрову, которому выпало на долю систематизировать все данные и представить Особому Совещанию специальный доклад. Это и было исполнено, и доклад Н. И. Астрова состоялся в среду, 6 ноября.

«Сами собой рамки первоначально поставленной докладчику задачи раздвинулись, Н. И. Астров представил нам очень обстоятельное рассуждение, которое, помимо разбора условий возникновения махновщины и ошибок, допущенных в борьбе с ней, явилось суровой критикой всех наших правительственных порядков. Выделив конкретные вопросы об ответственности тех или иных представителей власти, докладчик затем остановился на характеристике нашего управления и с организационной, и с политической точки зрения. Он говорил об Особом Совещании, которое справедливо характеризовал, как машину, работающую без приводных ремней. Он говорил об отсутствии связи

между центром и провинцией, о том, что власти на местах не чувствуют над собой постоянного надзора и твердого руководства и, кроме прямых злоупотреблений, позволяют себе частые отступления от политических начал, возмущенных в различных речах и приказах Главнокомандующего. Он коснулся и персонала местных учреждений и, в частности, подчеркнул неудачные назначения по Управлению Внутренних Дел и по Отделу Пропаганды. В общем все это было не очень ново для большинства из нас. Но впервые картина нашего внутреннего нестроения была представлена Особому Совещанию в связном виде. **Впечатление получилось тяжелое, настолько тяжелое, что ген. Деникин, видимо, пожелал смягчить его и с улыбкой сказал, что положение не так уж мрачно, иначе нам оставалось бы только отчаяться** Затем, по своему обыкновению, дело это затормозилось... (Соколов. Правление ген. Деникина, стр. 209-210).

2-го декабря, под председательством Деникина состоялось новое совещание в составе Н. И. Астрова, Н. В. Савича, К. Н. Соколова и ген. Романовского. Но и это совещание ничего нового не дало.

14-го декабря Деникин дал Наказ Особому Совещанию и в этом наказе повторил свои старые, отвергнутые жизнью программные положения (т. 5-й, стр. 280. «Очерков рус. смуты»).

16-го декабря член Особого Совещания Фенин подал Деникину записку, в которой между прочим отметил следующее: «...Мы не станем перечислять ошибки и упущения, допущенные военными и гражданскими органами, призванными Вами служить делу борьбы за воссоздание государства и установление элементарного порядка. Ошибки эти многообразны. Главнейшие из них по нашему мнению: допущение развития дурных нравов в армии и безнаказанность высших попустителей, а также отсутствие организованного, сильного аппарата центральной власти, объединенного в своем составе единым пониманием задач, стоящих перед властью, единством методов действий, и полная изолированность от жизни и населения того органа, который являет собою весьма несовершенный суррогат власти» (там же, стр. 282).

Далее в записке г. Фенина много говорилось о необходимости «распустить Особое Совещание и на его месте образовать Правительство в составе семи лиц, с привлечением в него трех представителей от Казачьих Войск»...

«... «Создавая новое Правительство в минуты опасности и тревоги, Вы снова поднимите бодрость в армии и населении, снова окрылите надежды, ибо вместо непопулярного Особого Совещания около Вас будет новый орган, которому будут поставлены новые ясные задачи», продолжал г. Фенин.

«Тогда можно будет начать решительную борьбу с пороками, разлагающими Армию и тыл. Тогда можно будет противопоставить новую организованную власть развивающимся опасным течениям в Амрии и в тылу. Тогда можно будет привлечь соседние государственные образования к борьбе за воссоздание русского государства»..

«Громоздкое и неспособное действовать Особое Совещание исполнило свое назначение и пережило себя. Ни Вам, ни делу оно больше не может быть полезно», говорил г. Фенин (там же, стр. 284).

Председатель Особого Совещания ген. Лукомский тоже подал ген. Деникину доклад, в котором говорил: «1. Наиболее животрепещущий вопрос данного момента — это наша неудача на фронте. При неудаче всегда масса (и на фронте и в тылу) ищет виновников. Конечно, этим дела не исправить, да и занятие, которое хотя и нервнует массу и создает известное настроение и в армии и в тылу, довольно бесполезное, ибо дела не исправит».

«Но если для массы это занятие бесполезное, надо помнить, что известное настроение и впечатление от этой массы передается и тем, от коих очень многое может зависеть».

«Одни обвиняют Ставку, другие Особое Совещание»

ние. Те, кои обвиняют Особое Совещание, в свою очередь, разделяются на два лагеря: одни ругают за слишком правое направление, другие за слишком левое направление. Лично думаю, что **виновны обе стороны: и Ставка и Особое Совещание.**

«Ставка, правильной штаб, виновен тем, что не организована была военная сила в тылу, что допущено было чрезмерное продвижение войск вперед без ответствующего устройства тыла (и в военном и в гражданском отношении) и что, повидимому, штаб не знал состояния войск.

«Особое Совещание (главным образом управление Внутренних дел) виновно тем, что не справилось с устройством тыла. Это я отмечаю не с целью искать виновных, а для того, чтобы предостеречь от опасности искать неудачу в области политики.

А эта опасность есть. И. П. Романовский на этих днях сказал мне примерно следующее: «Мы с Вами несколько расходимся в наших политических воззрениях и я не могу умолчать, что, по моему глубокому убеждению, мы сорвались на том, что в Младороссии, фактически, проводили слишком правую «гетманскую» политику». Н. И. Астров, представляя свою записку об изменении политического курса, также считал, что одна из причин неудачи — это неправильная политика. Я лично считаю, что здесь не в политике дело, а в том, что мы не умели устроить тыла, не умели и не могли обуздать грабежи и насилия, чинившиеся и войсками, и государственной стражей, и органами контрразведки.

Если же мы теперь начнем менять политический курс, то попадем в еще более тяжкое положение.

2. Реорганизация Особого Совещания.

Сговориться с казаками теперь будет трудно. Вчера мне Харламов сказал: «Не скрою от Вас, что настроение среди членов Конференции несколько изменилось и некоторые говорят так: когда Добрармия занимала Орел, то с нами не церемонились и говорили очень твердым языком; теперь пора и нам заговорить другим языком».

Но если-б даже разговоры с казаками шли гладко — вряд ли теперь своевременно создавать всю ту постройку, которая намечалась... Должен сказать, что с эвакуацией начальников Управлений в Новороссийск, а Управлений в Крым — дело осложняется чрезвычайно. Ясно, что Особое Совещание действительно надо реорганизовать, но как — это сказать трудно» (там же, 284-285).

Таким образом, записка Астрова, рапорт Врангеля от 9-го декабря, записка Фенина и доклад Лукомского одинаково признавали **провал** военной и гражданской политики Деникина и его Особого Совещания, как носителей стремлений и желаний «русского белого движения на Юге»...

16-го декабря ген. Деникин издал приказ об упразднении Особого Совещания и об образовании Правительства из «глав шести ведомств».

«В сущности», говорит Деникин, «все в правительстве должно было оставаться по старому до создания новых форм управления, слагавшихся в процессе работ южно-русской конференции. Последние приказы мои означали: невозможность опереться на либералов, нежелание передать власть всецело в руки правых, **политический тупик и личную драму правителя.** В более широком обобщении они свидетельствовали об одном, давно назревшем и теперь особенно ярко обнаружившемся явлении: **о кризисе русского либерализма**...»

«Особое Совещание и с ним целый период жизни противобольшевйского Юга отошел в прошлое. Судить нас будет история. Я хотел бы отметить», говорит Деникин, «одно только явление, общее для всех поднявшихся против безумного советского режима частей Российского государства — общее для Севера, Востока, Юга и Запада, для Казачьих Областей, Закавказских новообразований и западных лимитрофов... Первые же шаги насаждения государственно-го строя на обломках прежнего, поросших больше-

визмом, различаясь внешними формами, большей или меньшей радикальностью и демократизмом содержания, худшей или лучшей организацией — имели везде одну, проникавшую существо их черту: они направляли народную жизнь в старое русло... Свидетельствовало ли это явление только о той цепкой связи и зависимости от прошлого, которое довлело над страной и строителями, быть может, иногда помимо сознания и воли их... Исходило ли оно из бессилия и неумения деятелей революции прорвать, не выжидая, новое русло, в которое могла бы хлынуть и успокоиться очищенная в крови и страданиях волна народной жизни... Или, наконец, было оно признаком жизненности основных вех, по которым шло последовательно, веками: русское строительство... Ответ даст будущее» (там же, стр. 287).

Руководители «русского белого движения», как видно, все же не могли понять простой истины: от русской жизни они оторвались, а на Казачьих Землях они были чужие.

Никакие «записки», «рапорты», «доклады», никакие перемены и перестановки в составе деникинского правительства, никакие изменения в его названии этой печальной для «русского белого движения» суги изменить не могли и в действительности не изменили.

В политическом и в военном отношении деникинцы потерпели полный крах... Затягивался только период ликвидации деникинщины благодаря тому, что русское «белое движение» сумело цело связать себя с Казачьим Освободительным движением.

Трагедией Казачества было то, что оно не сумело во время и решительно отмежеваться от «русского белого движения», обреченного историей на гибель...

ОТХОД ЗА Р. ДОН.

Как сообщает ген. Врангель, «13, 14 и 15 декабря Донская и Добровольческая армии продолжали по всему фронту отход. Конница ген. Улагая перешла в район станции Алмазная - станция Алчевская-Селезневка-Ящичково. Пехота 1-го корпуса (добровольческого) **без давления противника и пользуясь местами железно-дорожными перевозками**, согласно приказа командира, корпуса, **отходила»** в Донецкий бассейн (цит. выше работа Врангеля, стр. 268).

И далее ген. Врангель продолжает: «Конница красных настойчиво продолжала продвигаться вперед. Часть этой конницы, численностью до дивизии большого состава обрушилась на 4-й Донской корпус ген. Мамонтова в районе Иллирия-Юрьевка и жестоко потрепала его. Остатки Корпуса сосредоточились в районе станции Ровеньки. Одновременно, Буденный с шестью полками обрушился на части полковника Фостикова у станции Мануйловки и оттеснил их к станции Депрерадовка, откуда полк. Фостиков перешел 16-го декабря к станции Чернухина. Оставив шесть конных полков действовать на фронте Городище-Чернухина, Буденный 4-мя полками двинулся в район Депрерадовка-Дебальцево, вытеснил отсюда Марковскую дивизию и продолжал движение с этими четырьмя полками на Ольховатку. Наши части отходили на юг. Одновременно еще одна бригада конницы Буденного была обнаружена в районе Троицкое-Луганское (в 12 верстах к северу от станции Хацептовка)... Я переходил с моим поездом на станцию Матвеев Курган» (стр. 268).

«17-го декабря полк. Фостиков, оставив Чернухина, продолжал отходить на юго-восток вдоль железной дороги. Марковская дивизия, отходя с боями из района Депрерадовка-Дебальцево, к 17-ому декабря заняла 1-м полком район Чистяково, где с утра началась бой. Красные наступали с востока, запада и юга» (стр. 270).

«18-го декабря конница противника продолжала наступать. Части полк. Фостикова в районе станции Ровеньки соединились с 4-м Донским корпусом; последний занимал фронт Ровеньки-Картушино. Атаки

красной конницы 4-м Донским корпусом были отбиты. Корниловцы в районе станции Весчинская были атакованы конницей противника и стали отходить на юг, но затем направлены были на село Степановку, куда отступили от Чистякова после тяжелого боя марковцев. При отходе три полка конницы противника отрезали и захватили обоз корниловцев. 2-я дивизия отходила от Сердитой на Степановку; дроздовцы, оставив полк для прикрытия эвакуации станции Иловайская, отступили на станцию Кутейниково. Отход Марковской и 2-й дивизии совершался в весьма тяжелых условиях. Марковцы, отступая от станции Чистякова через села Алексеево-Леоново, были в этом селении атакованы со всех сторон конницей красных, потеряли все обозы и артиллерию и часть пулеметов и едва проблись к селу Степановка, где расположились совместно с корниловцами. 2-я дивизия, отступая от Сердитой на Степановку и Мариновку, проходя мимо Алексеево-Леоново, также была атакована конницей красных, и, отбивая ее атаки, отошла к деревне Мариновка, преследуемая частями 4-й и 6-й дивизий Буденного» (там же, стр. 272)...

Таким образом ген. Врангель признает, что добровольческие части понесли весьма серьезные поражения и потери в боях с конницей красных, в то же время конница ген. Мамонтова, над боеспособностью которой генералы Науменко, Улагай и Врангель еще 7-8 декабря поставили было крест, 18-го декабря отбила атаки красной конницы в районе Картушино-Ровеньки.

Далее тот же Врангель признает, что 4-й Донской корпус 19-го декабря «одержал победу, выбив противника из ряда хуторов, лежащих в балках Должин и Медвежья, отбросив его на север и заняв хутора Ивановский, Медвеженский и деревню Варваровку, причем захвачено было 6 орудий и 12 пулеметов» (стр. 273).

Не только постоянное давление со стороны неприятельской конницы и пехоты было причиной отступления казачьих частей... Эпидемия сыпного тифа, принявшая просто невероятные и страшные размеры, косила славные ряды казачьей пехоты и конницы. Один из очевидцев этого бедствия народного следующим образом описывает им виденные картины: «...На станцию Миллерово (Калединск) ...привозили с предыдущей станции Чертково целые поезда с мертвыми телами сыпного-тифозных, которые умирали от холода, от недостатка ухода, от голодовки, от отсутствия примитивных удобств. Из поездов трупы по несколько десятков грузили на большие телеги, хозяева которых, изгрозившись на эти возы, отъезжали на кладбище, где в общие могилы сваливали свой страшный груз..

... «Все это можно было наблюдать и на других станциях... Эпидемия сыпного тифа свирепствовала по всему югу России. И нередко можно было видеть на тех-же станциях вокзальные здания, переполненные больными и мертвыми, беседки в станционных садах, переполненные трупами сыпнотифозных, сложенными, как дрова, в высокие штабеля. Смертность царяла колоссальная»... (Раковский, Г. Н. «В стане белых», стр. 32-33).

17-го декабря от сыпного тифа умер Кубанский Войсковой Атаман ген. Успенский..

20-го декабря на станции Ростов состоялось совещание генералов Деникина, Сидорина, Врангеля, Романовского и др. На этом совещании ген. Деникин сообщил, что он **расформировывает** Добровольческую армию и из ее остатков организуется Корпус под командой ген. Кутепова. Этот добровольческий Корпус в оперативном отношении был подчинен командующему Донской армии ген. Сидорину (Деникин. Очерки, т. 5-й, стр. 266. Врангель. Записки, т. 1-й, стр. 274).

«Когда участники совещания перешли к рассмотрению вопроса, касающегося обороны Ростова и Новочеркасска, то обнаружилось, что, хотя давно было ясно, что войска отойдут к этим пунктам, — к укреплению огромной важности позиций никаких мер до сих

пор принято не было. Когда на совещание прибыли инженеры, которым было поручено укрепление этих позиций, то выяснилось в полной мере, что кое-где есть окопы для стрельбы с колена на узеньком фронте, кое-где навалены колья для проволочного ограждения, кое-где имеются бревна для постройки блиндажей. Больше ничего не было. Не были оборудованы и телефонные линии для связи с местами будущих штабов, не были оборудованы базы для действия танков, хотя их предполагалось выставить весьма значительное количество и на ростовском, и на новочеркасском фронтах».

«Хотя полная непригодность позиций выяснилось с очевидностью, однако, это мало встревожило начальника штаба главнокомандующего ген. Романовского, который указывал на ценность позиций с психологической стороны, а именно на то, что войска будут знать о предстоящем упорном бое перед Ростовом. Кучки материала и обозначенные окопы будут указывать на эти позиции. После выступления Романовского участники совещания назвали эти позиции «психологическими».

«Интересно отметить, что присутствующим на совещании бросалось в глаза крайне пессимистическое настроение Деникина и Романовского, для которых Ростов и Новочеркасск были, по видимому, последней ставкой. Романовский даже спросил одного из участников совещания: «Неужели вы думаете, что, если мы принуждены будем оставить Ростов и Новочеркасск, то возможно еще какое-нибудь сопротивление?» (Раковский. В стане белых, стр. 47-48).

Добровольческий корпус и Донская армия сравнительно быстро отступали к Ростову и Новочеркаску: 22 декабря большевики заняли Мариуполь, а 24 декабря ими был занят и гор. Таганрог.

Командующий Донской армией ген. Сидорин «развернул войска, прикрыв Ростов Добровольцами, Новочеркасск Донцами и в центре на уступе поставив конные корпуса Топоркова и Мамонтова» (Ден. Очерки, 5-й, стр. 266).

В это время в ближайшем тылу изнуренного фронта творились ужасные дела: «Утром, 23 декабря», рассказывает Раковский, «я из Батайска... отправился в Ростов и Новочеркасск, чтобы быть свидетелем решительного боя, который должен был состояться под Новочеркасском.

«Вся дорога от Батайска до Ростова была покрыта отходившими частями, одиночными конными и пешими людьми и потоком беженцев, состоявшим, главным образом, из представителей буржуазии... По дороге то и дело попадались завязшие в грязи и брошенные автомобили, поломанные телеги, экипажи. На возах — груды вещей: тюфяки, чемоданы, мопсы... Куда бегут — никто не знает. Все охвачены одним желанием: бежать и бежать подалеже от фронта.

Под Ростовом поток беженцев сгустился до такой степени, что, порою, начинало казаться, будто население всего огромного города покидает насиженные места. Среди беженцев попадались казаки-кубанцы, одиночные офицеры и солдаты с винтовками на плечах То были отбившиеся от своих частей.

Тянулись батареи. Иногда, тяжело увязая в грязи, проходили расхлябанные воинские части. Возле Ростова вместо дороги — сплошное болото, в котором барахтались люди и лошади. Несколько опрокинутых карет, очевидно помещичьих; возле них труп солдата в грязи; автомобиль, брошенный своими пассажирами... все свидетельствовало о страшной панике. Это было понятно, ибо поток беженцев с территории Добровольческой армии носил определенную окраску. Все это, по преимуществу, были: представители интеллигенции, или помещики, или служащие в учреждениях Добровольческой армии. Значительная же часть беженцев состояла из тех моллюсков, которые присосались к Добровольческой армии и ее учреждениям...

А в это время по всем дорогам, находящимся восточнее, тянулся другой поток беженцев. Это были

Донские казаки, вернее их семейства и калмыки. Старики, женщины, дети, почти поголовно, станичными и окружными таборами во главе со станичными и окружными атаманами двгались на юг. Они гнали перед собою стада скота и свое главное богатство — табуны лошадей. Здесь народные массы, не желавшие подчиниться большевикам, уходили со своей территории, покидали родные станицы, хутора и кочевья, шли в неизвестном направлении, не зная, что их ждет там, впереди, но зная, что позади вместе с большевиками они жить не могут. Это была грандиозная картина переселения целого народа, возвращавшая нас к давно минувшим временам средневековья... (Рак. В стане белых, 54-55).

Эту страшную трагедию Казачества П. А. Скачков описывает так: «...С оставляющей Дон Донской Армией, покидали свои очаги десятки тысяч казачьих семей. И нужно было видеть в декабре 1919 г. бесконечные степные дороги, по которым, утопая в грязи, тянулись сотни тысяч голов скота и овец, табуны лошадей и десятки тысяч подвод, нагруженных стариками, женщинами и детьми, и нужно было видеть те бесчисленные могильные холмики, устилавшие этот Крестный путь, чтобы понять всю трагедию Донского Казачества... Тот десяток тысяч героической Добровольческой Армии, истекавшей кровью в отходе от Орла, было все то, что дала стопятидесятиmillionная масса русского народа — в защиту своей Национальной Чести.

С пятидесятилетней Донской Армией шел Атаман, Правительство, Войсковой Круг и свыше трехсот тысяч беженцев»... («Донская Летопись», т. 1-й, стр. 7-8).

«Отдавался целый ряд распоряжений о выдвигении на Дон для устройства переправ всех корпусных и дивизионных; приказания писались, а мостовое дело вперед не продвигалось, так как силы были совершенно недостаточны для столь большого дела. Только мороз, ударивший 24 декабря вслед за оттепелью с туманом, сковал лед и переправы вновь стали возможными.

«Операция, предпринятая командованием впереди Новочеркаска и Ростова, грозила кончиться полной катастрофой, ибо надежды на успех почти не было, а в тылу армии лежала большая река, лед на которой к 24 декабря едва выдерживал отдельных лошадей, постоянные же мосты имелись только у Ростова (2) и г. Нахичевани (один). (Журн. воен. действий Дон. армии, запись за 24 декабря 1919 г.)

«После трехдневного затишья на всем фронте Донской армии, 24 декабря начались боевые действия в районе Александро-Грушевска.. Сильная конная группа противника в составе не менее трех бригад, поддерживаемая пехотой, повела наступление на фронт 3-го Корпуса, направляя удар вдоль линии желез. дороги и обходя правый фланг. После упорного боя нашими частями были оставлены Шахтная и Александро-Грушевск. Отбив ряд новых атак у Каменоломни, ослабленные части Корпуса продолжают отход»... (Журн. воен. д. Дон. арм.).

«Накануне оставления нами Новочеркаска интересным был разговор между офицерами красным и нашим: по телефону из Александро-Грушевска вызывают офицера штаба белой армии; подходит к телефону есаул Измайлов — штаба 3 Корпуса, который был в Новочеркасске (в здании духовной семинарии).

Красный офицер спрашивает — после обычных приветствий: «Что же, еще сидите в Новочеркасске?» «Да, мы здесь и уходить не думаем».

— «Напрасно», отвечают из Грушевска, «уходили бы лучше»...

— «Нет, мы еще подеремся, у нас танки»... — «Какие там танки! Когда мы весной 19-го года уходили с Маныча, так нам никакой черт помочь не мог; так и вы, раз уж духа нет, так уж нечего задерживаться; только другим мешаете» (журн воен. действий Дон. армии, стр. 141/11).

«Рождественскую ночь войска провели под Ново-

черкасском. Казалось, что вся обстановка складывается в пользу Донцов. В последних боях, в особенности под Провальскими конными заводами, пассивно отступавшие казаки, что называется, огрызнулись, да так, что не одна тысяча красноармейцев осталась на поле сражения. Все офицеры и генералы в один голос говорили о бодром, уверенном настроении Донцов. В Атаманском дворце я встретил, рассказывает Раковский, «председателя Донского Войскового Круга Харламова, который вместе с командующим Донской армией ген. Сидориным только что вернулся после посещения частей Корпуса ген. Мамонтова. Его общий вывод сводился к тому, что, как командный состав, так и простые казаки настроены великолепно и готовы двинуться в бой, куда нужно, куда прикажут».

«С утра в первый день Рождества на подступах к Новочеркасску начался решительный бой. Морозило. Яркое солнце освещало покрытый снегом, притихший город. Во дворце Атамана, где я увидел ген. Сидорина, на мой вопрос о положении дел он ответил: «Телеграфируйте в газеты, что мы бодры и верим в успех».

«Верили в успех все. Все, казалось, было сделано, чтобы разбить врага и, кто знает, быть может, тем самым значительно изменить ход событий.

В городе было тихо и безлюдно. Изредка по улицам проезжали конные казаки, двгались какие-то пешие команды.

Проходит час, другой. Грохот орудийных выстрелов становится все слышнее и слышнее. В городе по-прежнему было спокойно.

С крыши здания Войскового штаба я наблюдал за ходом происходившего вдали на буграх боя. Обстановка казалась не ясной. Стоявший возле меня инспектор Донской артиллерии ген. Майдель недовольно качал головой.

«Наши отходят», заметил он.

Вдали чуть-чуть видны были черные точки, темные пятна и линии: то наши и неприятельские части маневрировали и наступали друг на друга...

«В полевом штабе командующего царлю выжидательное настроение. Проходит еще час, другой... Грохот орудийных выстрелов приближался. В сердце начинали закрадываться тревога и беспокойство. Настраение быстро понижалось.

«Сбили с бугров», — эти роковые слова кем-то произнесенные, в одно мгновение облетели всех. К трем часам дня как-то сразу стало ясно, что наступает критический момент боя. В Новочеркасске начиналась сумятица. Заметались отдельные всадники и беженцы. Выстрелы раздавались уже под самым городом. По улицам быстро проходили обозы. Возле Атаманского дворца спешно строились конвойные сотни. Через Новочеркасск в образцовом порядке порою с песнями проходили уже и строевые части.

Происходило что-то непонятное, необъяснимое... Сид, казалось, было более, чем достаточно. Настроение войск великолепное. И вдруг... столица Дона.. — г. Новочеркасск, оставлялся Донцами, можно сказать, без упорного, кровавого, беспощадного боя, к которому, повидимому, войска были вполне готовы.

Уж над городом начинали рваться шрапнели. Все заторопились.

Вечерело. Войска и беженцы спускаются вниз, проходят через балку и направляются на Аксай. Все, казалось, никак не могли уяснить себе смысла и значения того, что произошло. Это было видно из тех летучих фраз, которыми обменивались между собою отступавшие. «Мы-бы расколотили сегодня Думенко, да Буденный со своей конницей подоспел»... «Жалко Новочеркаска, Господи, как жалко»... «Ничего, все равно дня через три, через пять вернемся обратно. Пусть только Мамонтов подойдет».

«Мы свое возьмем: не первый раз покидаем Новочеркасск»...

Расположенный на высокой горе, освещенный последними лучами солнечного заката, город был удивительно красив... Настроение у всех, казалось,

все-же бодрим. Иногда с песнями проходили пехотные части. Тяжелое впечатление производили лишь беженцы, с котомками за плечами шедшие из Новочеркасска. Мороз крепчал. Города уже не видно. Лишь багровые языки огня поднимались там, откуда вышли последние части Донской армии» («В стане белых», 55-58).

«Причина этой неустойчивости весьма простая», поясняет быв. нач. оперативного и развед. отделения Дон. армии: — «Казачи знали, что в тылу у них полузамерзший Дон с единственной в то время мостовой переправой у станции Аксайской, и не могли продолжать борьбу, имея у себя в тылу такую преграду». (Полк. Добрынин. Борьба с большевизмом, стр. 93).

Новочеркасск пал 25-го декабря, а Ростов большевицкие войска заняли 26-го декабря.

«Падение Ростова и Новочеркасска объясняется, главным образом, общими причинами... В силу общих причин, в особенности, в виду развала Добровольческой армии, участь Новочеркасска и Ростова, казалось, была предрешена фатальным ходом событий. Но среди представителей высшего командования за несколько дней до оставления Ростова и Новочеркасска стала укрепляться уверенность в том, что, быть может, и удастся отстоять эти в высшей степени важные пункты. Боеспособность и дух Донской конницы, в особенности 4-го корпуса, которым командовал Мамонтов, сильно повысилась благодаря тому, что в течение нескольких дней, после продолжительных неудач, конница имела несколько удачных боев в том числе и под Провальскими конными заводами. Во время этих боев допцы приобрели даже утерянное в период отступления оружие и пушки. Таким образом, к моменту подхода большевиков к Новочеркасску ядро Донской армии, 4-й Корпус ген. Мамонтова, являлся вполне надежной боевой единицей.

В виду этого, более слабому 3-му Донскому корпусу, которым командовал ген. Гусельщиков, была поручена оборона Новочеркасска. Оборона Ростова была поручена ослабленному продолжительным отступлением и упорными боями Добровольческому корпусу, которому была придана прибывшая с Кавказа Терская бригада. Оборонять Ростов должна была и конная группа ген. Топоркова, состоявшая из неушедших домой Кубанцев и Терцев. Корпус Мамонтова был расположен в виде резерва между Ростовом и Новочеркасском. Донское командование предполагало, по-видимому, использовать его следующим образом: если большевики прежде направят удары свои на Ростов, то — против Ростова, если — на Новочеркасск, то — против новочеркасской группы красных. Первой группой советских войск командовал «главковерх» Буденный, второй — Думенко.

24 декабря стало выясняться, что бой под Новочеркасском начнется раньше, чем под Ростовом, так как Буденный шел медленнее Думенко. В виду этого из штаба Донской армии был послан Мамонтову приказ идти на Александро-Грушевск с целью разбить группу Думенко, Топорков со своим отрядом должен был защищать правый фланг Добровольческого корпуса. Мамонтов же отдал распоряжение ударить против ростовской группы большевиков — против Буденного. В виду позднего получения новой директивы, он донес в штаб, что вынужден действовать против Буденного. Это и было санкционировано штабом.

25 декабря Мамонтов вместе с Топорковым имели крупный успех и сильно потрепали части ростовской группы большевиков» (Раковский. В стане белых, 59-60). Об этом радостном событии на печальном фоне общих неудач было разослано войскам следующее официальное сообщение: «В бою 25 декабря в районе Дарьевской — Генеральский Мост группой ген. Мамонтова, совместно с конницей ген. Топоркова, разбиты 33 и 16 пехные дивизии, Туркестанская конная бригада, 6-я конная дивизия и остатки 15-й пехей дивизии. Взято в плен и уничтожено свы-

ше четырех тысяч, захвачено 8 орудий и до 30 пулеметов».

«Под вечер в этот день (25-ХІІ) Мамонтов узнает о тяжелом положении Новочеркасска. Вместо того, чтобы продолжать свои атаки на группу Буденного, он отошел в исходное положение и решил утром 26 декабря наступать на Новочеркасск. «Положение... было тяжелое. Имея бой с противником, я прошел 35 верст, потом вернулся назад. Сделав почти 80 верст, я должен был на следующий день вести снова тяжелый бой» (слова ген. Мамонтова).

26 декабря начался бой на «психологических» ростовских позициях. Буденный ринулся вперед, прорвал и почти целиком захватил в плен Терскую бригаду. Отряд Топоркова начал тогда отход без боя.

«Весьма опасаясь за переправы», рассказывал Мамонтов, «видя, как болезненно отражается на моих казаках оттепель, которая с часу на час могла отрезать нам возможность отхода по льду за Дон, я отошел за аксайскую переправу» (Раковский, стр. 61 выше цит. его работы).

27 декабря антибольшевицкие части были уже за р. Доном.

28-го декабря 1919 г. в «Журнале воен. действий Донской армии» сделана следующая запись: «По отходе частей Донской армии за Дон Командармом послана телеграмма всем комкорам, Донскому Атаману, Председателю Правительства и председателю Круга, в которой отмечив факт упадка духа у рядовых бойцов и начальствующих лиц, Командующий обрисовал обстановку, сложившуюся на фронте красных и внутри государства перед началом последнего вторжения, отметил: причину нашего отхода, состояние красной армии — не совсем блестящее, как это кажется, — состояние наших войск, **не уступающих противнику ни численно, ни по качеству, но потерявших сердце».**

В тот же день на фронте Добровольческого корпуса были захвачены в плен красные летчики — бывший генерального штаба капитан Строев и поручик Шурыгин. Опрошенные в штабе Корпуса, они показали, что «армия Буденного состоит из 4-й, 6-й и 11-й дивизий; численность коих им не известна; эпидемия сыпного тифа занятием красными покинутых нами местностей в частях противника увеличилась; вследствие террора интендантом красноармейцы одеты удовлетворительно и снабжены всем необходимым. В связи с последними успехами в войсках противника наблюдается уверенность в скором окончании гражданской войны, а в тылу, особенно в Великороссии, просыпается национальное чувство и удовлетворенность, что фразрозенная Россия собирается без помощи иностранцев, несмотря на тяжелые внешние и внутренние условия. Полагают, что большевизм будет изжит эволюционным путем. Террор в Совдепии уменьшается. Население встречает красных доброжелательно, предпочитая советвласть вследствие допущенных белыми частями сильных грабежей и реквизиций. Особенно было возбуждено население появлением помещиков и творимыми ими расправами с населением, что успешно используется большевицкими агитаторами»...

В этом показании пленных русских летчиков чрезвычайно важным является указание на то, как смотрела Великороссия на успехи большевицкого оружия — там просыпалось национальное русское чувство и уверенность в том, что именно под руководством большевицкой власти «разрознная Россия вновь собирается без помощи иностранцев, несмотря на тяжелые внешние и внутренние условия»...

Словом, Ленин без помощи иностранцев делал то, что Деникин и Колчак хотели сделать при помощи иностранцев. И Ленин и Деникин собирали Россию.

28-го декабря «ген. Кутепов просил сменить его Корпус частями Донской армии с тем, чтобы Добровольческий корпус отвести в резерв для пополнения и приведения частей в порядок. Командарм (ген. Сидорин) не нашел возможным сделать это и указал комкору

Добр. о возможности справиться с задачей при помощи конного корпуса ген. Топоркова.

29-го декабря «ген. Кутепов донес о том, что некоторые части ген. Топоркова проходят прямо на юг, не останавливаясь в указанном им районе. Явление повального бегства с фронта Кубанских и Терских казаков наблюдается с момента оставления Ростова, т. е. с 26 декабря. Нескончаемые обозы тянутся вглубь Кубани, сопровождаемые тысячами дезертиров пеших, и, главным образом, конных. Одни идут просто домой, не скрывая этого, другие же под предлогом формирования, «гарнизоваться», как казаки говорят. Многочисленные обозы Донских частей также кишат дезертирами, и там, по донесению ген. Калинина, которому поручена очистка обозов, находится 9/10 нашей армии» (запись в «Журн. воен. дейст. Дон. армии»).

Части 1-го Донского корпуса тоже отошли на южный берег р. Дона.

Кавказская армия, 20-го декабря оставив г. Царицын, который она держала в своих руках

свыше 6-ти месяцев, к первым числам января 1920 г. отошла за р. Сал.

Следует отметить, что большевицкие силы 10-й и 11-й красных армий, к 12-му декабря 1919 г., определяли в 31400 штыков и 5430 сабель и 160 орудий. (Е. Ковтюх. От Кубани до Волги и обратно, стр. 72).

Штаб ген. Деникина переехал в Тихорецкую, штаб Донской армии — в Сосыку, а штаб командира Добровольческого корпуса ген. Кутепова разместился в Кушевке.

Собственно, война была уже кончена.

То, что было потом на Кубани, Новороссийская и Черноморская катастрофы и самый Крым — все это были лишь судороги конца.

Казачество на этот раз проиграло.

Вернее — проиграли за него другие, те другие, кому некоторые казаки помогали творить не казачье дело.

А. Ленивов.

Расправа с донскими казаками в 1792-1793 г.г.

Неспокойно было на Дону в 1769 году! Сильное волнение царило в среде Донских казаков, нежелающих выполнить распоряжение «чиновного Петербурга» о формировании служилых казачьих полков: Азовского и Таганрогского, предназначенных для несения гарнизонной службы в Азовской и Таганрогской крепостях...

Утверждение штата пемотного казачьего полка, состоявшегося в 1770 году, одновременно с подписанием указа о переселении казаков с семьями (назначенных на службу в означенные полки) в Азовскую крепость, положили конец терпению, и казаки выступили открыто против мероприятий российской имперской власти. С большим трудом удалось привести их к повиновению... ценой умаления престижа российской имперской власти, ибо все переселенные казаки с семьями в Азовскую крепость были возвращены в прежние места жительства...

Минуло тридцать лет... но российская имперская власть, попирая открытым образом казачьи права, видимо, забыла об уроках 1769 и 1770 г. г., и потребовала от Донских казаков выполнения переселения ряда станиц: Бесергневской, Есауловской, Маноцкой, Мелиховской, Кобылянской, Пятиизбянской, Верхне и Нижне-Чирской и др. — на Кубань. Донские казаки отказались выполнить подобное предписание и выступили с оружием в руках на защиту своих прав против посягательства российского правительства, поддержанного казачьей старшиной.

Прислав на Дон свыше 16 тысяч регулярных войск, российское правительство подавило жестоким образом восстание, сделав дальнейшее известное послабление в отношении уменьшения числа казаков, предназначенных к переселению на Кубань.

Предательскую роль в отношении казаков сыграло казачье дворянство, и главным образом «генерал-поручик и Войска Донского Войсковой Атаман» Иловайский. Считая, что наиболее упорными в своем сопротивлении, оказались пять станиц с раскольничьим населением (Кобылянская, Есауловская, Пятиизбянская, Верхне и Нижне-Чирские), а равно и в других станицах вожаками и участниками повстанческих проявлений были тоже раскольники, Иловайский донес в Петербург, что казаки: «возросши в суеверии, гнушаясь святой церковью и ее чадами, мало слышат о обязанностях к богу и государю, обращаясь сподобными себе и поучаясь от хищников и обманщиков, именующихся старообрядческими попами, наживают некоторые вздорные умствования, противоборствующие и

Закону Божию, и общественному благу, и через то ожесточаются в буйствах». Напомнив о роли и значении казаков-раскольников в движении Степана Разина в 1670-71 г. г., движении донских сепаратистов 1683-1688 г. г., выступлении Донских сепаратистов 1691-1692 г. г., о Булавинском движении 1707-1709 г. г. и т. д., Войсковой Атаман Иловайский раскрыл российскому правительству всю опасность начавшегося казачьего движения. Главным образом в силу предательства своих же, восставшие казаки были побеждены, с применением силы российского оружия, пролились реки казачьей крови, ответственность за что всецело падает на головы казачьего дворянства во главе с выразителем взглядов последнего, Войсковым Атаманом Иловайским.

Весной 1792 года, на Дону разыгралось событие исключительной важности и значения, именно, три Донских казачьих полка (Кошкина, Луковкина и Поздеева), находившиеся на охранной службе на Кубани, самовольно, покинули последнюю и внезапно появились в Черкасске, имея при себе полковые знамена, но без старшин, которых они оставили на Кубани.

Проявившись в Черкасске, казаки потребовали у Войскового Атамана Иловайского отчета «за что он отдаст их на поселение», угрожая убить его...

Обнародованный к тому времени указ Екатерины II гласил, что шесть Донских казачьих полков, закончивших свой трехлетний срок службы на Кубани (на военных линиях), не имеют права возвратиться на Дон, и должны остаться на Кубани, населив двенадцать вновь образованных станиц. Екатерина II, отмечая «свое благоволение» к Донским казакам, подчеркивала, как особую милость, «свое» (царское) разрешение на переселение 3000 Донских семейств с Дона на Кубань к 3000 Донских казаков, оставляемых там навсегда для несения военной службы...

Как известно, Донские казаки посылали свои полки на службу, с соблюдением очереди и жеребьевки. Но Екатерина II пошла не только эту «казачью привилегию», но вторглась и в личную жизнь казаков, стремясь разорить материальное благополучие последних, разоряя их родовые гнезда на Дону!

«Коса нашла на камень». Донские казаки покинули Кубань и появившись на Дону, — явочным порядком, куда несколько ранее прибыли их вожаки Фока Сухоруков и Никита Белогорохов, впрочем, последний скоро уехал в Петербург.

Недовольство казачьих полков встретило поддержку среди всего Донского Казачества. Войсковой

Атаман Иловайский, как и Войсковое Гражданское правительство, растерялись, наблюдая повсюду падение престижа их власти. Не зная, как успокоить казаков, Иловайский признал факт прибытия казачьих полков на Дон, и отдал приказ об их роспуске по домам.

Успокоив наружным образом казаков, Иловайский покинул Дон и уехал в Петербург, где сделал подробный доклад Екатерине II о событиях на Дону. Поведение Иловайского принесло следующие результаты: Никита Белогорохов, прибывший в Петербург, для ходатайства отмены переселения Донских казаков на Кубань, был арестован, так же, как были арестованы в Донских верхних станицах — Фока Сухоруков, Подливалин, Попов, Садчиков, Штукарев, уговаривавшие казаков к восстанию.

В дальнейшем, суд Военной Коллегии, созданный «по делу о побеге трех казачьих Донских полков с Кавказа», приговорил Никиту Белогорохова и Фоку Сухорукова к наказанию кнутом, постановке жженных клейм на лицо и ссылке в Нерчинскую каторгу: Подливалина, Попова, Садчикова и Штукарева, к наказанию прутьями и внеочередной посылке на несколько лет службы в Донские полки; в отношении всех остальных Донских казаков, которые выказывали неповиновение, суд Военной Коллегии определил: «сверх посылки без очереди на службу, подвергнуть и прогнать сквозь строй прутьями или по обыкновению казачьему наказать в кругу публично плетью».

Зная отличным образом положение на Дону, Иловайский и Войсковое Гражданское правительство уговаривали Екатерину II все же не переходить известных границ в наказаниях, дабы не ожесточать казаков, ибо недовольство охватило весь Дон, «так что целые станицы, целым обществом, должны быть в ответе и суде».

В августе 1792 года, Екатерина II издала рескрипт, которым отменяла поселение шести Донских казачьих полков на Линию; но... взамен этого, требовала переселение трех тысяч Донских казаков с семьями по назначению самих станиц. Подобным образом положение несколько не изменилось, ибо мероприятие Екатерины II было основано на советах со стороны Войскового Атамана Иловайского и Войскового Гражданского правительства, как лучше можно было бы обмануть казак, покончив раз навсегда с так называемой донской автономией.

Предавая казаков, донская старшина дрожала за свою «драгоценную жизнь и шкуру», почему вела очень осторожную политику перед лицом казачества. Зачислив в число казаков, подлежащих переселению на Кубань, около восьмисот семейств «из малороссиян», перед этим зачисленных в казаки, Иловайский и его помощники, послали по станицам чиновников, которым вменялось в обязанность объявить рескрипт Екатерины II и составить списки казаков, избранных станицами — для переселения на Кубань.

Поняв игру казачьей старшины, раскусив, что Екатерина II хочет уничтожить последние остатки казачьей вольности (так называемая «казачья привилегия»), казаки возмутились... понесся по Дону сполох, от хутора до хутора, от станицы до станицы!..

Полковой есаул Иван Рубцов обращал внимание казаков на то, что они завоевали себе Дон в лице своих предков, проливших кровь, почему ныне Донские казаки должны кровью защищать Дон от посягательств Екатерины II. В конечном результате Ивану Рубцову удалось объединить восставших казаков станиц Верхне и Нижне-Чирской, Пятиизбянской, Кобылянской и Есауловской, которые выразили недоверие станичной администрации в лице атаманов и доверенных стариков. Отказавшись выполнить приказ о назначении казаков для переселения на Кубань, восставшие взяли за оружие, укрепили свои станицы и поставили везде охранную стражу по всем дорогам и переселкам.

Приказ недавней «пугачевщины» был перед глазами Войскового Атамана Иловайского, который на поминке Е. Пугачева в Янцком городке сделал свою

личную карьеру, получив в награду «пожалование» Войсковым Атаманом от Екатерины II. Казачье движение разrostалось быстрым темпом, восстали против российской власти все казачьи станицы и хутора по рекам Медведице, Хопру, Бузулуку....

Укрепляясь в Черкасске, готовясь к осаде, водружая пушки на бастионы, роя рвы, возводя укрепленные палисады, Иловайский забил тревогу, ставя в известность Петербург о происходящем на Дону....

Двинулись с севера в пределы Донской Земли русские войска под командой князя Щербатова усмирять восставших, Донских казаков. Район восстания был окружен русскими солдатами, входившими в состав пяти пехотных полков, пяти отдельных стрелковых батальонов, нескольких драгунских эскадронов при артиллерийских батареях: кроме того, на усмирение были присланы три тысячи Чугуевских казаков под командой ген. М. И. Платова и одна тысяча Донских казаков под командой ген. Д. Мартынова. Российское правительство твердо соблюдало одно правило, на основании коего оно придерживало казаков в послушании, что «всякое казачье дело надлежит губить казачьими руками»..

На самом деле, восставшие казаки, благодаря предательству казачьей старшины, не могли оказывать долгий срок времени сопротивление русским войскам..

Овладев после боя станицами Есауловской, Кобылянской, Верхне и Нижне-Чирской, Пятиизбянской, русские войска произвели настоящий погром, жгли дома, разграбляли имущество, насильовали казачек, убивали казаков. Князь Щербатов приказал лишь в указанных пяти станицах заковать в кандалы 346 казаков и выпороть плетью 1645 казаков!!!

Казачий сепаратизм мерещился русским на каждом шагу, почему князь Щербатов изображал себя в роли победителя, продолжая глумиться над казаками.

Установив причины, побудившие казаков восстать против мероприятий российского правительства, князь Щербатов сделал подробное донесение Военной Коллегии, которая начала чинить расправу над казаками, в свою очередь... Вновь начались на Дону казни, тридцати казакам по избивании их кнутами, были вырваны ноздри и поставлены жженные клейма на лица, 146 казаков были избиты «кошками», а полковой есаул Иван Рубцов был забит до смерти, после чего его тело было брошено на с'едение собакам. Сверх того, каждый десятый казак был арестован и отправлен в ссылку в Сибирь.

Слухи о происходящем на Дону начали доходить к казакам, находившимся на службе. Последние стали уходить на Дон большими партиями....

Князь Щербатов решил подавить восстание казаков до конца, почему по его приказу, русские солдаты, угрожая вооруженной силой, без суда и следствия перепоролли до 5000 Донских казаков в верхних станицах, которые не исполнили приказа о переселении на Кубань. Ряд казачьих священников были лишены сана по постановлению Синода. Сверх всего, в казачьих станицах и хуторах были назначены станичные начальства (атаман, двое судей, два помощника), таким образом впрямь на Дону стал быть не только Войсковой Атаман по назначению, но и станичные атаманы с помощниками!!!

Расправившись с Донскими казаками, Екатерина II однако, не вывела русских солдат с Дона, и последние в количестве 16 тысяч были поставлены на Дону на двухгодичный постой — «на всякий непредвидимый случай».

Могло бы казаться странным, что, как могли русские солдаты пороть тысячи Донских казаков!.. Однако, все становится ясным и понятным, когда казачитатель узнает, что с 1787 по 1793 г. г. в войне против турок участвовало 22 Донских казачьих полка (Астахова, Грекова, Денисова, Деткова, Иловайского, Исаева, Каргина, Киреева, Кошкина, Кумищакского, Курсакова, Кутейникова, Мартынова 2-го, Орлова 2-го, Сычева, Янова и др.), что с 1788 по 1791 г. г. В войне против шведов принимало участие пять Донских ка-

зацнх полков (Давыдова, Леонова, Поздеева и др.), что в войне против поляков участвовало 20 Донских казачьих полков (Астахова, Бокова, Грекова, Денисова 1-го, Денисова 2-го, Иловайского, Карпова, Кульбакова, Кутейникова, Мешкова, Орлова, Пантелеева, Ребрикова, Родионова, Сарынова и др.), что на Кубанских линиях в 1791-1793 г. г. несло службу 6 Донских казачьих полков (Кошкина, Луковкина, Поздеева и др.), что в Донских станицах и хуторах находились лишь безоружные малолетки, старики, дети и казачьи жены... с которыми явилось воевать 16 тысяч русских солдат!!!

Екатерина II знала, что играть с огнем опасно, а потому... начала заигрывать с Донскими казаками... после всех своих подлых деяний, изложение которых приводилось выше. Прежде всего, она отменила прежнее число 3000 казачьих семейств, долженствовавших выселиться с Дона на Кубань, заменив числом в 1000 казачьих семейств, которые были укомплектованы почти сплошь «малороссиянами», недавно перед этим записанными в казаки. По прибытии последних на Кубань, под руководством генерала Фере, из них было образовано шесть станиц, под общим названием Кубанского казачьего полка (станицы были поселены при Кавказской и Усть-Лабинской крепостях, Григориполисском и Прочноокопском укреплениях, Темнолесском ретаншементе и Воросколесском редуте).

3-го июня 1793 года Екатерина II передала депутатам Донского Войска (старшины Дмитрий Иловайский и Иван Янов) особую грамоту на владение Донскому Войску его землями... которые предки Дон-

ских казаков завоевали собственной кровью!!! (Не издевательство ли?).

Один из казачьих историков писал еще в 1874 году о пожаловании этой грамоты — следующее: «Вручив депутатам хлеб-соль, Екатерина повелела разделить ее на мелкие части и роздать по всем станицам и хуторам, при чем высказала свое желание, чтобы всецело принадлежащая Войску земля, подобно хлебу-соли, была дружелюбно разделена между всеми Донцами на довольствие каждого воина-казака и на преуспеяние всего храброго Войска Донского». Яснее ясно, что казачьи старшины поторопились выполнить предписание Екатерины II и по прибытии на Дон, постарались разделить хлеб-соль на возможно мелкие части, чтобы большее число Донских казаков откушало Екатерининский дар.

Нечего говорить, что царская соль показалась очень соленой Донскому Казачеству, как равно и Екатерининский хлеб стал поперек горла, несмотря на кровопускание, учиненное князем Щербатовым. Все же, казаки сумели отстоять на этот раз свою личную свободу... не помогли штыки русских солдат, угрожавшие, казачьим детям, женами старикам.. но не казакам, которых царская власть держала на российских внешних границах.

Вчитывайтесь внимательно в страницы казачьей истории, казаки-читатели, и, прочитав каждую страницу, мысленно вопрошайте себя, продолжает-ли тот или иной казак считать себя «русским казаком» или же изучение казачьей истории сорвало повязку с его глаз, и он уже стал просто казачьим националистом?..

Владимир Куртин

С Владикавказским кадетским корпусом

В начале февраля 1920 года волею судеб я оказался во Владикавказе. К этому времени уже и последнему мирному обывателю «освобожденной родины» стало ясно, что борьба с большевиками проиграна и что надолго ли, на коротко — они распростираны власть советов над всеми народами б. Российской империи.

В городе продолжали еще клеить по заборам огромные плакаты с воззваниями и призывами:

«Все на фронт!»

Производились какие то формирования, что-то еще организовывали, но уже всем было ясно, что это даже не самоушение, что делалось все это только потому, что надо было что то делать. И не только те, что недавно приехали с фронта, но и мещане, никогда на фронте не бывшие, отлично знали, что никакого фронта уже нет, что есть еще вооруженные люди, сведенные в полки и батальоны, но окончательно потерявшие веру в успех и смысл борьбы и уже тяготеющие своим оружием и, за немногим исключением, желающие только одного: уйти куда глаза глядят от этой кровавой бестолковщины.

На половину сожженный, разрушенный город был переполнен «недорезанными буржуями», которых манила сюда близость Грузии; везде было всевозможными дельцами и спекулянтами, которых, в свою очередь, манила сюда жажда наживы от «недорезанных буржуев». На вокзале, в поездах, в бараках около вокзала кишела людская масса. Здесь были офицеры, солдаты, казаки — в погонах и без погон — отбившиеся от своих частей. Здесь лежали раненные и больные, жили за неимением приюта в городе офицерские семьи, суетились отставные генералы и статские. Здесь на горах всяких «дел» и архивов лежали чиновники и писаря различных управлений и учреждений и все это мечтало только об одном: всеми правдами и неправдами достать визу в Грузию, предоставив кому то другому продолжать борьбу с больше-

виками, организовывать тыл, снабжать и кормить армию.

По улицам на прекрасных конях носились всадники в черкесах: не то казаки из конвоя командующего, не то ингуши, разведывающие город... Гарцевали «гусары смерти», немногие уцелевшие в бою с собственным полком, перешедшим к красным.

В приемной штаба ген. Эрдели, недавно перебрывшего сюда из Пятигорска, толкались всевозможные «формировщики», организаторы, пропагандисты, выпрашивающие авансы на формирование мифических отрядов. Просители, «нанимающиеся» специалисты по добыче виз во все государства мира и по подделыванию документов, освобождающих от воинской повинности и какой угодно иной повинности...

В ресторанах, в кафе, где вместо кофе — коньяк, а вместо чая — спирт, пьянствовали безусые прапорщики, корнеты и даже кадеты, расплачивающиеся или «здоровой» валютой или натурой: сукном, шелком, парфюмерией, сахаром и т. п.

На главной улице, в одной из гостиниц, помещался штаб формирующегося офицерского отряда и при нем общежитие для офицеров, уже вступивших в отряд. Все комнаты этой гостиницы были завалены грязной соломой, а на соломе валялось несколько десятков офицеров. Не надо было быть особенно наблюдательным, чтобы увидеть, что эти офицеры собрались сюда лишь по привычке скопом переносить все лишения и скопом встречать опасность.

Больные, полуголодные, оборванные и швивые, изнервничавшиеся и изверившиеся, они были способны лишь умереть — отступая, но не наступая. Вообще к этому времени строевые части были заражены духом отступления. А штабы, управления, резервы и гражданские «чины» — эвакуаций.

Эвакуирующиеся мало интересовались тем, куда они эвакуируются.

— Хоть к черту — лишь бы эвакуироваться. Надоело!

Большинство офицеров и к переживаемому настоящему и к неизвестному будущему относились совершенно равнодушно, не интересуясь ни тем, ни другим. Но были и такие, для которых беспорядок настоящего являлся чистым полем для не очень чистой деятельности, а темная будущность окрыляла их надеждами на блестящую реализацию работы настоящего.

Эти офицеры лучше всего были осведомлены о положении на фронте, о настроении частей и населения, о планах ингушей и даже красных. Они прекрасно знали о приказах командующего, раньше их опубликования, о различных распоряжениях по эвакуации, долженствующих последовать. И спекулировали на этих будущих распоряжениях. Были вхожи в грузинское и персидское консульства; прекрасно знали фактическую стоимость «бон», «туманов» и «фунтов».

Этих офицеров нельзя было встретить ни на грязной соломе формирующихся отрядов, ни в заплыванных, холодных теплушках. Чисто, с иголки одетые, со всевозможными нашивками и обшивками «старых императорских полков», они сидели в кофейнях, ресторанах, раз'езжали по городу в экипажах... Документы у них были «в полном порядке» и уж, конечно, разрешение на беспрепятственный выезд в Грузию. Их не касались ни приказы, ни призывы, ни воззвания...

— Это пишется для дураков, а мы, слава Богу, не дети. Все равно из этого роя... ничего не выйдет.

Город жил нервной, тревожной жизнью. Боялись и прихода большевиков извне, и восстания их внутри, в городе, и нападения ингушей. Со страхом поглядывали и на молканскую слободку, жители которой не скрывали своих симпатий к «товарищам» и антипатий к прижатой к горам «белой косточке».

Однажды, бродя по главной улице, я встретил генерала Г., бывшего в свое время начальником военного училища, где я учился. С ним был маленький человечек в старом николаевском плаще и огромном николаевском же картузе. Сморщенное маленькое лицо этого человечка напоминало лицо скопца, а круглые, бесцветные глаза, неприятно-угнетающе поражали какую-то тоскливой пустотой и пришибленностью. Генерал мне искренно обрадовался. Забросал меня, по своей привычке, множеством вопросов и когда узнал, что со мною случилось на Кубани, хлопывая меня по плечу, весело сказал:

— Э, брат, а что-ж Вы раньше не заявлялись? Ведь я сейчас директор корпуса. Мне нужен воспитатель. Кстати, ведь, у меня много кадет казаков... Сегодня же переберите в корпус.

— Ваше превосходительство, — обратился он к человечку, — распорядитесь, чтобы есаулу отвели комнату!

— Слушаюсь, Ваше Превосходительство! Вытащив по «швам» левую руку и приложив два пальца правой к огромному козырьку, бесстрастно ответил человечек.

— Кстати, познакомьтесь: мой юнкер, есаул К. — инспектор классов генерал С..

— Очень приятно! — тем же тоном и с тем же козырянием проскрипел инспектор.

Мне отвели комнату в квартире воспитателя поручика Тр... Большая квартира, которую занимал поручик с женой и двумя детьми, являлась скорей квартирой и мастерской сапожника, но ни чуть — офицера воспитателя. Самый вид комнат и обстановка показывала, что офицер этот занимается делом, ничего общего с воспитанием кадет не имеющим и что живет он здесь как на бивуаке, чтобы можно было сняться в любой момент.

— А вы — что-ж, сапожничеством пробавляетесь? — спрашиваю поручика.

— Да, что-ж... Надо же кормить вот этих, — виновато улыбаясь, ответил поручик, показывая на двух грязных девочек.

Утром на другой день меня позвали к директору. — Здравствуйте!... Дали вам комнату? Хорошо спали? забросал вопросами директор, нервно шагая по большой приемной.

Я едва успевал отвечать: здравия желаю!... Так точно! Очень хорошо!...

Директор вдруг круто повернулся и взыв меня за рукоятку кинжала, глядя поверх пенсэ, спросил:

— Есаул, как вы думаете, когда сюда придут большевики?

— Все зависит от фронта...

— Ох, какой там фронт, какой фронт!... замахал генерал руками и опять зашагал из угла в угол.

— Вы-то хорошо знаете, что никакого фронта уже не существует! Ведь наши солдаты — да и офицеры — не хотят уже драться. Они отступают. Отступают даже там, где на них никто не наступает... Да я и не за армию спрашиваю!... Сажите, неужели ваши казаки отдадут свой край?.. Есть ли какая надежда на Кубанскую армию?

— Казаки тоже отступают, а главное — Кубанской армии, как таковой, не существует.

— Ну, вот видите!... Вы думаете, зачем я это спрашиваю?..

— Вероятно, в целях информации...

— Никак нет. Информации мне не нужны. Я и сам хорошо вижу, что делается вокруг. Но я хочу, чтобы люди, а в особенности те, от которых многое зависит, говорили только то, что есть в действительности, а не повторяли старое: «на Шипке все спокойно»... Ведь это гражданская война?

— Кубанцы иначе смотрят...

— Знаю, — покосился на меня генерал. Вы — другое дело. Я не о том... Ведь на моей ответственности свыше пятисот детей..... Между которыми многого и ваших. Понимаете ли вы это? Обязан я о них беспокоиться заранее или нет? Обязан или нет?!

— Так точно, обязаны.

— Вот то-то и оно-то... А знаете, что мне отвечают в штабе? — Все хорошо. Никакой опасности!... Помилуйте, ген. Деникин вовсе не отступает. Это маневр... Заманивает в мешок... Какая там эвакуация?.. Нет никаких данных беспокоиться за детей. — Вы думаете они верят сами в то что говорят? Ничуть! У самих уже давно чехомоданы увязаны и визы в карманах. Зачем же они говорят мне это? Зачем!

— Не могу знать...

— Ах, знаете вы это отлично!... Потому, что нет мужества честно и открыто признать, что Добровольческой армии — конец... И почему она Добровольческая?.. Наступать и «освободить» она уже не может, так хоть бы при отступлении не применяли страусовых приемов... Вы знаете, что корпус эвакуируется? — остановился опять предо мной генерал.

— Никак нет!

— Да, да, эвакуируется, Я настаю на этом. И чем скорее, тем лучше. Мне не дают денег, ну что-ж, пойду и без денег... А знаете, куда?.. В Сербию. Вот куда!...

— Ваше Превосходительство, но ведь...

— Что? Вы думаете, что власть большевиков на этот раз будет еще кратковременнее, чем первый раз? О, нет!.. Поверьте, что эвакуация за границу всей Добрармии неизбежна. Так не лучше ли сейчас, до катастрофы, вывезти детей за границу? А, не лучше?.. И я добьюсь этого!... Но довольно, идите, явится командиру 4 роты

Ротного я застал в швальне занятого примеркой кадетам шинелей, сшитых из бурочного сукна. Представился.

— Ну, что-ж, идите в первое отделение, там, кстати, сейчас «пустой» урок.

Пошел в первое отделение на «пустой» урок. Прохожу длинным коридором, превращенным в спальню. Почти во всю длину коридора тянутся в два ряда койки. На некоторых из них лежат тощие, соло-

менные матрацы, на некоторых только одеяла, а часть совершенно голые. Редко, редко на какой койке подушка... Все показывало на то, что здесь живут ото дня на день, что это даже не лагерь, а бивуак... Навстречу мне, радостно улыбаясь, идет маленький кадет.

— Здравия желаю, господин есаул, я тоже казак!

— Казак? Какой станицы?

— Сунженской... А вы?

— К..

— Значит вы — кубанец? Побегу, позову кубанцев!

И малыш побежал куда-то по коридору, крича на весь корпус:

— Эй, Крыжановский! Павлов! Мельников! скорей сюда!.. Воспитатель новый... Наш!... Казак!..

Я вошел в ротную канцелярию. Два кадета, постарше сунженца, сидели на канапе и играли в карты. Вскочили, неловко пряча за спинами карты...

— Здравствуйте!

— Здравия желаем!

— Это канцелярия 4-й роты?

— Так точно.

— Кто дежурный воспитатель?

— Штабс-капитан К..

— А где он?

— В город ушел.

— Где первое отделение?

— В классе... Мы Вас проведем.

Но я не успел выйти из канцелярии. Предводительствоемые шустрым терцем, в комнату ввалилось десятка два малышей, громко на перебой кричавшие:

— Здравия желаю, г. есаул!.. Здравия желаю, г. есаул!

— Что-ж, это все кубанцы?

— Никак нет!.. Тут и терцы и кубанцы! Это все равно. Мы все — казаки! Вместе держимся. С полтавцами деремя!.. Вы теперь наш воспитатель?... Дайте вашу папаху! Пойдемте в класс!.. А можно ваш книжаль посмотреть?..

Я не знал, кому отвечать, кого слушать, и признаюсь, чувствовал себя неловко. Бог знает, так ли я веду себя с кадетами, как должно воспитателю?... Но я люблю детвору. А эта, к тому же, была такая связь, такая родная... Будто все из моей станицы... Через несколько минут знал уже всех по фамилии. Это было тем легче, что фамилии были все наши, казачьи, станичные. Неловкость скоро прошла и я уж не думал, так ли я себя веду, как должно воспитателю, или нет. Мне было хорошо с ними. Разговаривали о своих станицах, пели свои песни... Вечером я должен был прийти на ночное дежурство.

(Окончание следует).

Казачья эмиграция

В. К. в Польше

ПЕРВЫЙ ОКРУЖНОЙ С'ЕЗД ВК.

26 апреля с. г. в Варшаве, в присутствии Походного Атамана ВК, состоялся первый Окружной С'езд ВК в Польше.

Избрано окружное правление в составе: окружным атаманом инж. **Ф. Штовхань**, членами окружного правления: войск. старш. **Н. Чебурашкин**, сотн. **Рябцев**, **С. Бородин** и **Ф. Сафонов**.

Подробный отчет о с'езде будет помещен в следующем номере журнала.

ПО ВК ОКРУГУ.

1. Согласно статута союза ВК в Польше, утверждаю станичное правление в.к. имени Атамана Булавина станицы во Владимире Волынском в составе: Александр **Акутин** (ТКВ) — атаман; **Георгий Голицын** (ВВД) — помощник ст. атамана; **Яков Хоперсков** (ВВД) — писарь и **Михаил Кумпан** (ККВ) — казначей. (Приговор станичного сбора от 13-IV-36 г.).

2. Зачисляю в списки округа казаков: Степана Лобкова и Якова Никитина с семьями. (Протокол заседания Луцкой в.к. станицы от 16-IV-36 г. № 7).

3. Всем, поздравившим меня с праздником Светлого Христова Воскресения, приношу свою благодарность; Воистину Воскресе!

Да воскреснет Казачество!

Окружной атаман инж. **Ф. Штовхань**.

ВО ВЛАДИМИРЕ-ВОЛЫНСКОМ.

Приговор организационного сбора во Владимире-Волынском в.к. станицы имени Атамана Булавина, 13 апреля 1936 г. Повестка дня:

1. Открытие сбора, 2. Вольное Казачество и его цели, 3. Принятие статута, 4. Дискуссии, 5. Выборы станичного правления и ревизионной комиссии и 6. Текущие дела.

1. Станичный сбор открыл ст. **Слесарев**. По старой казачьей традиции пропели молитву: «Отче наш». Ст. **Слесарев** объяснил цель сбора и предложил выбрать председателя его. Единогласно председателем был избран ст. **Максимчук**, а секретарем ст. **Акутин**. После выборов президиума ст. **Акутин** прочитал полученные

приветствия от Походного Атамана ВК, окружного атамана ВК округа в Польше и атамана Луцкой в.к. станицы.

В ответ единогласно выразили желание: «Атаманам долго жить, а всему Казачеству слава!».

По предложению ст. **Слесарева** почтили память вставанием и минутным молчанием первого маршала Польши Иосифа Пилсудского, а так же и всех казаков, погибших за волю и родину.

2. Доклад о Казачестве прочитал ст. **Максимчук**. 3. Статут принят единогласно. 4. Дискуссий не было. 5. В станичное правление избраны: ст. **Акутин Александр** — атаман, ст. **Голицын Георгий** — помощник атамана, ст. **Хоперсков Яков** — писарь и ст. **Кумпан Михаил** — казначей.

В ревизионную комиссию: ст. **Димитриев Владимир**, **Лавров Сергей** и **Погребняк Владимир**. Кандидатами: ст. ст. **Слесарев Георгий** и **Наумов Лаврентий**.

6. Ст. **Кумпаном** было предложено выбрать делегатов на окружной с'езд. Избраны — ст. **Кумпан** и **Максимчук**, кандидатами: **Хоперсков** и **Димитриев**.

По предложению ст. **Лаврова** станицу наименовали именем Атамана Булавина.

По разрешении всех вопросов пропели казачьи гимны и председатель объявил сбор закрытым.

Председатель сбора: **Максимчук**.

Секретарь: **Акутин Александр**.

ПОХОДНОМУ АТАМАНУ.

13 апреля 1936 г. Мы, вольные казаки, проживающие в г. Владимире Волынском и его окрестностях, собрались (в количестве до двадцати человек) сегодня вместе, чтобы обсудить наше положение и программу руководимого Вами Вольного Казачества, которая объединяет в одну дружную семью и под священным и дорогим для нас, казаков, знаменем Казачьи неуклонно и преодолевая все препятствия идти за Вами, веря, что наш Походный Атаман, указавший нам верный путь (а путь наш — это Вольное Казачество), выведет нас к нашим родным и дорогим казачьему сердцу Краям, где с покоя веков жил и будет жить храбрый, честный и трудолюбивый народ — казаки.

Слава Вольному Казачеству!

Атаман в.к. станицы имени атамана Булавина во Владимире-Волынском: **А. Акутин**.

В ЛУЦКЕ.

5 апреля с. г. в г. Луцке состоялось собрание Луцкой в.к. станицы. Повестка дня: открытие сбора, чтение протокола первого собрания, принятие и исключение членов, освобождение от обязанностей старого правления и выборы нового, выборы делегатов на окружный съезд ВК в Польше и выбор названия для станицы.

Сбор был назначен в одиннадцать часов утра в помещении украинского клуба «Рідна Хата». В назначенный час собрались члены станицы. Председательствовал атаман Луцкой в.к. станицы инж. **Штовхань**, секретарем — станичный писарь хор. **Диктаров**.

В своей речи председатель приветствовал сбор и предложил почтить память умерших казачьих поэтов вставанием.

Затем был прочитан протокол первого собрания. Сбор постановил исключить из списков станицы членов, неуплативших вступительный взнос в один злот., с тем, однако, что если исключенные погасят недоимку, то будут приняты вновь в станицу.

В виду того, что атаман Луцкой в.к. станицы инж. **Ф. М. Штовхань** занят организацией Округа, сбор избрал атаманом станицы войскового старшину **Николая Чебурашкина**. Бывший помощник атамана по его личной просьбе освобожден от занимаемой им должности и на его место избран ВВД сотник **С. Д. Рябцев**. Как атаман, так и помощник избраны единогласно. Станичный писарь **Г. Диктаров** был переизбран на ту же должность. Станичным казначеем избран хор. **Е. Кротов**. Ревизионная комиссия осталась прежняя.

Делегатами на окружный съезд избраны: войсковой старшина **Николай Чебурашкин** и сотник **С. Д. Рябцев**. Кандидатом — хор. **Диктаров**.

Было произнесено несколько речей, в которых казаки призывались поддерживать своего Походного Атамана в его работе на пользу Казачества.

В два часа по полудни председатель закрыл сбор. Слава Казачеству!

Станичный писарь **Г. Диктаров**.

В. К. в Румынии

ПО ВК ОКРУГУ.

1. Братья вольные казаки!

На первом Окружном Съезде 22-Ш с. г. вашими представителями, делегатами от в.к. организаций, я избран окружным атаманом. Благодарю за доверие. Свой долг перед Вольным Казачеством исполню.

Как я, так и избранные вами члены окружного правления Походным Атаманом ВК утверждены.

Верю, что в годину эмигрантских испытаний, в дни испытания казачьего духа, ВК округ в Румынии не дрогнет под ударами судьбы и не уронит свое национальное Казачье Знамя, а понесет его гордо и смело к светлomu казачьему будущему.

2. Согласно приговора Бухарестской в.к. станицы от 15-Ш-1936 г. утверждаю следующий состав станичного правления: 1. Станичным атаманом **Я. К. Дулимова**, 2. помощником ст. атамана **Н. Н. Воробьева**, 3. казначеем **А. Д. Галкина** и 4. писарем **Н. Д. Персиянова**.

Слава Казачеству!

Окружной атаман **С. Маргушин**.
Окружной писарь **В. Дремачев**.

В. К. в Югославии

ОТ ВОЛЬНО-КАЗАЧЬЕГО ОКРУГА В ЮГОСЛАВИИ ОКРУГАМ В ПОЛЬШЕ И РУМЫНИИ.

Вольно-казачий Округ в Югославии сердечно приветствует новые Округа, — новые боевые единицы казачьих национальных сил, создавшиеся в Польше и Румынии, и желает вам, родные братья-казаки, твердо идти, быть может, не по легкой, но близкой и родной казачьей дороге.

Верится нам, что вновь образованные Округа с

честью займут свои места в рядах борцов за национально-казачье право. Дай Бог вам сил, веры в себя и в наше общее дело.

Да здравствует ВК! Да здравствует вновь образованные Вольно-казачьи Округа!

Слава Казачеству!

Окружной атаман **Н. Букин**, помощник его: инж. **Н. Евсеев**. Члены правления: **Иван Кошкодаев**, **Михаил Жук**, **Ефим Кривец**, **Иван Билоус**, **Карп Карнаухов**, **Роман Евсюков**, **Иван Сурмач**, **Сергей Сорокин** и **Антон Черный**.

ПО ВК ОКРУГУ.

1. Зачисляю в списки округа, в состав Крагуевацкой в.к. имени **А. И. Кулабухова** станицы есаула Терского Войска **Булацеля** **Василия Александровича**, ст. Горячеводской, Пятигорского отдела.

Основание: постановление станичного сбора от 15-Ш-36 г.

В состав Кочанской в.к. имени **Н. С. Рябовола** станицы станичников: **К. К. Илясова**, **П. Д. Ветреникова** и **Г. Н. Василенко**.

Основание: постановление станичного сбора от 19-ИУ-1936 г.

В состав Белградской в.к. имени **Д-ра М. Ф. Фролова** станицы — **Г. Касача**.

Основание: постановление станичного сбора от 26-ИУ-36 г.

2. С большим удовольствием и радостью отмечаю в организациях округа совместную встречу праздника Св. Пасхи и, кроме того, специальную помощь больным и неимущим казакам и казачкам.

Внутренняя спайка — залог нашего успеха. Будем не упускать из вида этого главного условия.

Слава Казачеству!

Окружной атаман **Н. Букин**.

В ПОЖАРЕВЦЕ.

13 апреля с. г., на второй день св. Пасхи, в гор. Пожаревце состоялся первый сбор казаков, проживающих в городе, его окрестностях, на руднике «Кленовик» и Дубровице. До сих пор там не существовало ни одной казачьей организации, не замечалось интереса к современным событиям, каковые на все способы обсуждаются в ВК организациях. Казаки там были заняты своей работой, добывая кусок хлеба, и только мысленно переносились в Родные Края, покрытые красным оккупантским туманом...

Но, благодаря энергии нескольких инициаторов, образовался сперва здесь хутор, а через несколько дней он переименовался в станицу, в списках которой уже насчитывается 50 казаков.

Казаки охотно потянулись в новую семью, к своему единению, которое является залогом победы.

Узнав об образовании станицы в Пожаревце, правление в.к. имени **А. И. Кулабухова** станицы в Смедереве уполномочило своих 2-х представителей посетить новую станицу с целью знакомства и взаимной информации.

Я. М. Негреев и **Т. А. Столярв**, запасшись в.к. литературой, приехали в Пожаревца. В 3 часа дня гостиница «Доброе утро» была переполнена казаками.

В первую очередь сбор приступил к выборам станичного правления. Абсолютным большинством на должность станичного атамана избран кубанский казак **А. П. Бондаренко**. Таким же путем избрано все правление. По окончании официальной части, атаман станицы (типичный запорожец) призывал казаков к единению и спайке...

Потом слово было предоставлено представителю г.к. станицы в Смедереве **Я. М. Негрееву**, который, обращаясь к казакам, сказал:

Братья казаки, наша в.к. станица, узнав о том, что вы сегодня приступаете к организации своей казачьей семьи, сочла нужным прислать нас к вам, как бы для связи, чтобы почувствовать локоть соседа и стать плечом к плечу ближе, ибо надвигающиеся события диктуют нам — сомкнуть свои ряды теснее. На-

ша станица передает вам красное яичко и поздравляет вас с праздником (передает яичко ст. атаману Л. П. Бондаренко, который благодарит станичника Негреева за внимание Смедервской станицы). Наша станица так же просила передать поздравление с праздником уважаемым казачьим офицерам — ген. **Бочарову** и полк. **Максимовичу**, которые пользуются нашим уважением и тесно окружены вами в настоящее время. (Ген. Бочаров и полк. Максимович благодарят Смедеровцев).

Станичник Негреев обрисовал далее обстановку в.к. станицы в Смедерове и перешел к докладу о целях и задачах ВК, которые излагал около часа. Казаки, видимо, впервые услышав открытое казачье патриотическое слово, сосредоточенно слушали. Тишина не раз прерывалась возгласами с мест: «Правильно! Совершенно верно!» Особенно такое одобрение несколько раз высказывал полк. Максимович, когда, между прочим, докладчиком было сказано: «русская эмиграция раздроблена на несколько партий, каждая из которых, подобно пауку, разбросала свои сети со своими лозунгами, кроме казачьих, и со всех переулков машут казакам, зовут их, угощают обещаниями и пр. и то лишь для того, чтобы казачьей кровью добиться своих целей... Вижу, продолжает докладчик, что казаки перестали быть эмблемой чужого счастья и силы свои собирают для применения на пользу себе, ибо, кроме фальшивых обещаний, никто не несет нам вольности и не принесет, кроме нас самих. Своими силами, а в случае надобности и своею кровью, выкуем себе свое счастье и утраченную вольность».

После ст. Негреева слово было предоставлено другому представителю смедеровцев **Т. А. Столярову**, который рассказал казакам о «южно-русской конфедерации», о споре казаков с Деникиным. Казаки поразились тому, что слышали и еще сильнее сосредоточили внимание.

В заключение доклада ст. **Столяров** обратил внимание казаков на кошмарную обстановку наших братьев, находящихся ныне под оккупацией красного лаптя. Они зывают к нам и просят помощи. И мы должны крикнуть им громко со всех стран Европы: «Слышим вас и поможем» (раздается — «правильно»).

После этого ст. **Негреевым** был прочитан доклад Пох. Атамана, напечатанный в журнале 25 марта с. г., произведший на казаков особое впечатление.

Станичный атаман **А. П. Бондаренко** и казаки благодарили гостей за доброе слово, а ген. **Бочаров** и полк. **Максимович** крепким рукопожатием благодарили докладчиков.

Помощник станичного атамана **М. Нагота** передает ст. Негрееву красное яичко Смедеровцам с «Воистину Воскресе!», после чего поступило предложение пропеть гимны. Помещение собрания огласилось приятным голосом ст. **Столярова** — «Ты, Кубань, ты наша родина... Казаки молитвенно встали, расправив усталые кости, и дружно подхватили... «Многоводная, раздольная»... «Всколыхнулся, взволновался», так же спели с большим подъемом, не отрывая своих мыслей от тысячелетнего седого Дона: Не так удачно было пение Терского гимна по той причине, что присутствующие не знали твердо его напева.

После этого, уже за столом, повели казачью беседу. Поднимались бокалы за атамана, помощников, ген. Бочарова, полк. Максимовича, за гостей, за Казачество. Ген. **Бочаров** тесно окруженный своими соратниками, встает и, как бы помолодевший, говорит:

Казаки, наша интеллигенция не отличается от казачьей массы. Я прожил много лет, но не потерял надежды еще раз отдать свои силы на служение Казачеству...

Казаки пропели ему «Многая лета».

Время приближалось к отъезду гостей, а некоторым казакам предстояло идти на работу в рудник. Не казаки, редко собиравшиеся в единую семью, и не думали о том. Хозяин гостиницы серб г. Воислав Стоимирович, воспринимая казачьим единением, с

своей стороны, угостил казаков. Стали чередоваться старые казачьи песни, понятные только казачьему сердцу. Пели их казаки, голоса мнялись, а мысли их бродили, сталкивались с заветами их предков, мечтая о своем временно утерянном Крае.

Покидавших гостиницу гостей еще раз благодарил полк. **Максимович**, с уверенностью, что ВК стоит на правильном пути и что с ним воскреснет Казачество.

Ст. Негреев и Столяров тем временем раздали казакам несколько номеров журнала. Протягиваются руки, но журналов больше нет. Обещают прислать тем, кто не получил сегодня. Станичный атаман просит передать смедеровцам привет и просит поддерживать с ними связь.

(Соб. кор.).

В ПЕТРОВГРАДЕ.

Вольно-казачья имени ген. Я. Г. Кухаренко станица на своем собрании постановила учредить при станице кассу взаимопомощи. С этой целью состоялось 18 апреля учредительное собрание, на котором председательствовал станичный атаман ст. **Коршеков**.

После доклада атамана приступили к выборам правления кассы и ревизионной комиссии.

Председателем избран **К. Ачмизов**, писарем и казначеем **Н. Каменсков**. В ревизионную комиссию: предс. **Ст. Беляков**, членами — **Т. Манжула** и **С. Осипов**.

Собрание приняло статут кассы и постановило, что касса открывает свои функции с 1-го мая. Членами кассы могут и не члены станицы. Члены же станицы должны быть обязательно и членами кассы взаимопомощи.

(Соб. кор.).

В КРАГУЕВАЦЕ.

В воскресенье 5 апреля с. г. Крагуевацкая в.к. имени А. И. Кулабухова станица устроила открытое собрание, которое посетили — окружной атаман **Н. Ф. Букин**, окружной контролер **К. А. Карнаухов** и окружной казначей **А. П. Черный**. О их приезде было сообщено за неделю раньше. Были оповещены украинцы, горцы и казаки других толков.

Окружной атаман и указанные лица приехали в Крагуевац и на станицы были встречены станичным атаманом и членами станицы. В 4 часа дня был назначен сбор. Окружной атаман вел беседу до 5 часов вечера только с членами станицы.

Открывая собрание, окружной атаман обрисовал международную обстановку и задачи ВК движения и сказал: «В настоящее время мировые события могут развернуться дальше благоприятно и для нас. Мы это должны знать и быть готовыми принять тот момент. Но осуществление нашей идеи зависит не только от внешних событий, а и от нас самих. Многие будут зависеть от того, насколько мы окажемся стойкими и поскольку будем политически подготовлены. Прошлый урок 18 и 19 г.г. нам хорошо доказал, что не достаточно только желать осуществления идеи, а нужно к ней подготовиться. Если мы окажемся неподготовленными и не сумеем того момента использовать в нашу сторону, тогда наша идея, наш казачий вопрос будет запечатан навсегда. И тогда окажутся напрасными все те жертвы, которые были принесены наилучшими сынами Казачества. Мы, казаки, стоящие в рядах ВК, этого не должны допустить. Мы должны напрочь все силы, подготовить самих себя политически. Подготовить себя и вразумить и других казаков, не состоящих в наших рядах. Эта задача лежит не только на окружном правлении или на наших докладчиках или на других каких либо особых лицах, а на всех нас. На нашей обязанности лежит работать и работать всем без исключения, ибо от нас самих зависит час воскресения нашей Казакни. Сейчас, как никогда, пришел час к разрешению нашего вопроса. Пришел час, когда нужно всем энергично приступить к работе, не для себя лично, но для общего казачьего блага. В

больше всего должны обратить внимание на пропаганду. Вы должны вращаться между всеми казаками и среди них проповедывать нашу идею. Идите и проповедуйте о нашем прошлом, настоящем и будущем. Идите и убеждайте их в том, что казаки были, есть и будут только казаками. Идите и говорите, что мы хотим своей воли, хотим сами управлять Казачьими Землями и боремся за свое казачье государство. Я рекомендую вам заняться пропагандой среди казаков потому, что многие казаки еще не знают о своей национальности, а многие даже и не знают о казачьем национально-освободительном движении. Еще раз говорю — идите и проповедуйте. Это есть важнейшая задача казачьих патриотов»...

Следующим выступил станичный казначей **Д. Хайло** со словом о значении пропаганды в нашем движении. Из моего доклада, говорит он, вы сами поймете, зачем именно наш окруж. атаман настаивает вести усиленную пропаганду среди казаков. Как в печати, так и между нами слышатся иногда такие слова: вот, мол, те или другие государства имеют армии, которые сильно вооружены современной военной техникой. Но, мнения часто расходятся. Одни доказывают, что в случае столкновения этих государств, победа будет на стороне одного, а другие доказывают, что победа будет на стороне другого. Как одни, так и другие свои убеждения основывают на том, что то или другое государство имеет сильную армию, хорошо вооруженную современной техникой. Я не согласен с тем, что если одно государство, имея современную сильную армию, при столкновении с другим, слабее технически вооруженным, всегда будет победителем. Ибо, есть еще одно оружие теперешней войны — пропаганда. Пропаганда будет играть большую роль и в нашем казачьем деле.

Наше движение без пропаганды было бы бессильно. Наше движение без нее не может успешно бороться с противником и не может добиться своей цели. Только пропагандой можем перевоспитать политически и пробудить национальный дух казака. Без пропаганды мы все равно, что воин без оружия. В истории ВК за границей наивысшую роль сыграла пропаганда, а именно наш любимый и широко распространенный журнал, на котором гордо красуется черный всадник. Наш журнал сделал большой успех, он пробудил национальный дух среди казаков. Он пробудил Казачество и поставил его на свою дорогу. Он нам открыл нашу национальность и вырвал нас из рук русских. Казаков всех казачьих Войск он объединил в одно. Наш журнал открыл нам правду, которой Казачество не знало на протяжении 200 лет. Не будь за границей нашего журнала, разве ВК было бы так сильно и было бы столько казаков в его рядах? Разве бы мы знали о своей национальности? Нет! мы до сих пор были бы русскими холуями и выслуживались бы перед русскими генералами, вешая наших патриотов и апостолов нашей национальной идеи. Казачество и дальше бы давало своих сынов для защиты матушки России.

Но в нашем движении не меньшую роль играет пропаганда, которая ведется нашими агитаторами-докладчиками. Первая задача ВК и есть приготовить кадр политических агитаторов. Если бы казаки в 18 и 19 г.г. имели политический кадр хотя такой, какой мы имеем в настоящее время, то Казачество выиграло бы уже тогда и мы не были бы заграницей, а в своем самостоятельном государстве.

Ввиду такой важности борьбы агитационным способом, мы должны и в станицах завести отдел подготовки агитаторов для пропаганды казачьей национально-освободительной программы среди казаков здесь и там, на родине, ибо нам еще предстоит много борьбы впереди, как с внешним, так и с внутренним врагом. Не думайте, что ВК приготовляет политические кадры только для борьбы за границей. Не думайте, что когда мы создадим свое государство, то, сложав руки, будем сидеть, ничего не делая. Напротив, дома предстоит нам не меньшая работа. Противники не

оставят так легко нас в покое. Они и там появятся и будут вести свою неказачью работу. Только там наши агитаторы почувствуют настоящие силы и поведут борьбу с противниками казачьей свободы. Когда я предлагал начать активную работу пропаганды среди казаков, не состоящих в рядах ВК, чтобы вырвать их из организаций, чуждых нам, казакам, меня упрекали в том, будто это будет призраком нашей слабости. Этим мы будем будто просить и молить их стать в наши ряды. Напротив, это не есть просьба, пожалуйста, мол, поступайте к нам, а это будет наша задача доказать каждому казаку, кто он есть, пробудить в его душе сознание, что он не русский, а казачий националист. Это есть первая задача ВК...

Дальше просит слово окружной контролер **К. А. Карнауков** и говорит: Станичники! В настоящее время враги наши стараются изо всех сил развить самую сильную агитацию для разложения ВК рядов, которые, по их мнению и убеждению, уже взяли очень широкий размах и представляют своей активной работой для них большую опасность. Строго следите за провокаторами, если вам кто говорит о том, что Казачество погребло, говорите смело: нет! Казачество не погребло, оно только придушено тяжелым московским гнетом. Казачество было, есть и будет. Казакom я родился, казакom и умру. Мы, казаки националисты, будем бороться за освобождение своего казачьего народа и за воссоздание своего независимого государства Казакини до последней капли крови!

После речи окружного контролера **К. А. Карнаукова**, окружной атаман закрывает станичное собрание, объявляет 10-ти минутный перерыв и назначает общее казачий сбор.

Через десять мин. зала была переполнена казаками разных убеждений, украинцами, горцами и русскими. На сборе присутствовало до 50-ти человек.

Ровно в пять часов станичный атаман **И. Билоус** открывает собрание следующим предложением: «Станичники! у нас, казаков националистов, собрания обыкновенно открываются пением казачьих гимнов.

Дальше окружной атаман берет слово, поясняет значение гимнов, затем просит встать и пропеть гимны. Все встают. Окружной атаман поворачивается лицом к портретам казачьих вождей и патриотов. Запевает гимн, за ним все казаки дружно подхватывают «Всколыхнулся, взволновался»... Поют два куплета — первый и последний. — Точно также и кубанский.. В душе пробуждается крепкая вера в то, что скоро все казаки станут на свой казачий путь и тесно сомкнутыми рядами пойдут в последний, славный бой за полное освобождение своей ныне поруганной и поработанной казачьей родины.

После пения гимнов станичный атаман **И. Билоус** просит сесть и говорит:

«Дорогие станичники и гости, друзья Казачества! Наше прошлое утверждает, что Казачество есть особый народ, история которого по некоторым данным оказывается даже старше русской. Для доказательства я прочту вам выдержку из конспекта доклада, прочитанного нашим Походным Атаманом в Париже 1-го марта с. г. на собрании черкасцев. (Конспект напечатан в журнале от 25 марта с. г.).

Закончив чтение, атаман напоминает недавнее прошлое, чему мы сами были свидетели — война России с Казачеством в период 1917-20 г.г. Мы своими глазами видели, говорит он, что это была не революция, а война русских с казаками, ибо с казаками воевала и красная и белая Россия. Белая Россия заметила казачье стремление к самоопределению и начала жестоко расправляться с руководителями этого движения. Я не сомневаюсь, что эта Россия отлично знала, что если она так поступит с казачьими избранниками, то проиграет борьбу с красными. Но она и с этим примирилась, ибо знала, что самостийники свое дело сделают и казаков с московской дороги уведут на казачьи границы для защиты их от внешних врагов и для восстановления своего казачьего государства.

Белая Россия уступила власть красной, дабы не

дать возможности отделиться народам, стремившимся к свободе. Вот это все, принимая во внимание, мы, казаки националисты, решили довести начатое там нашими патриотами дело до успешного конца. Победа же наша будет зависеть от нашего объединения около освободительно ВК программы. Чем скорее и теснее объединимся, тем скорее достигнем своей цели и тем лучше подготовимся к завтрашнему дню. Нам, казакам, необходимо как можно скорее сговориться, ибо час действий очень близок, а Казачество раздроблено до крайности. Возьмем для примера хотя бы Крагуевац. Здесь едва ли найдется добрая сотня казаков, но они разбиты на три лагеря. Пестрота недопустима. Здесь и самостийники, и единоплеменцы. Последние даже между собой не могут сговориться, разделились. Донцы не могут быть вместе с кубанцами. Что же это такое? В чем же дело? Борьба ли это за атаманскую власть в организациях или влияние русской политики, которая хочет подчеркнуть разницу между казаками? Я думаю, что и одно, и другое имеет здесь свое место. Но нет, братья, мы должны помнить лишь одно, что мы прежде всего казаки. Расселение наше по рекам не должно играть роль распрей и спора. У нас же, казаков националистов, этого нет. Мы никакого деления в казачестве недопускаем. Мы все казаки и строим одно государство — Казакию, в которой будет один Атаман - Президент и все казаки будут одинаковы и равноправны. Дальнейшее деление на Войска нас погубит окончательно. Поэтому все — донцы, кубанцы, терцы, астраханцы — все спешите в одно Великое казачье Войско. — Казакию — наше казачье государство...

На этом, станичники, я свой доклад заканчиваю, говорит атаман, а сейчас прошу выслушать доклад нашего окружного атамана Н. Ф. Букина.

(Окончание следует).

В. К. во Франции

В ВИШИ.

19-го апреля с. г. ВК имени К. Л. Бардижа хутор в Виши посетил окр. атаман **А. К. Ленинов**, сделавший сбору хутора обстоятельный доклад о целях и задачах ВК движения.

В КЛЕРМОН-ФЕРРАНЕ.

19-го апреля с. г. вольных казаков здесь посетил окружной атаман **А. К. Ленинов**, в своей краткой беседе обрисовавший нам современную политическую обстановку и задачи ВК движения.

После этой беседы вольные казаки решили стать открыто на путь ВК. Решено образовать ВК хутор.

(Соб. кор.).

В ЛИОНЕ.

18-го апреля в собрании союза ВК имени Донского атамана С. Лаврентьева окружной атаман **А. К. Ленинов** сделал доклад на тему: Почему Казачество в прошлом проиграло войну?

Главнейшая причина, по мнению докладчика, была та, что казаки в политике были слабы и в ней не разбирались, а старшина вела не туда, куда следовало вести.

И только в настоящем Казачество вышло на широкий казачий шлях и обязано выиграть. Для этого казакам надо объединиться и смело держать в руках ВК знамя.

После основного доклада окружной атаман обрисовал современную международную обстановку.

Вольные казаки выслушали все с большим вниманием и благодарили докладчика.

Сообщил **Н. Юров.**

В ДИЖОНЕ.

29-марта окружной атаман **А. К. Ленинов** посетил вольных казаков в Дижоне, где сделал доклад о положении казаков там и в эмиграции, а также и о ВК программе, под знаменем которой в конце концов должны будут собраться все казаки.

После доклада докладчик отвечал на вопросы, ставшиеся ему присутствовавшими на собрании гостями.

НА ПАСХУ В ЛИОНЕ.

Когда поезд подходил к Лиону, я думал — как найду своего знакомого? Ведь Лион не наш городок, заброшенный в ущельи, где мы не видим света Божьего, кроме неба и гор по сторонам. Давно живем там... Скучно стало. Захотелось повидать своих братьев казаков. Говорят, в Лионе их много. Нас в глуши живет только четыре казака. Надоели один другому, но живем дружно, по - казачьи.

Пока я раздумывал, сидя в вагоне, поезд остановился. Станция Пераш. Большая станция. Народ идет и я за ним. Вышел наружу, — вижу внизу трамвай, а какой куда идет, не пойму. Приятель мне писал: «сядешь на автокар и приедешь прямо ко мне, нигде не слазь». Вот и выбирай, на какой садиться. Тут их, этих автокаров, и не перечесть. Совсем пал духом. Вдруг слышу разговор: «Эх, брат, помнишь как у нас в станции на Пасху было?»

Обращаюсь прямо к ним с вопросом: — Вы казаки?

— Да, — отвечают.

Разговорились, похристосовались по-казачьи.

— Ну, вот что — зайдем выпьем с праздником, а потом мы тебя посадим на автокар и поедешь до самого конца. Он там живет.

Так и сделали. Через час я был уже у своего старого друга. Рассказал ему о встрече на станции. Хорошее, чисто наше казачье отношение. Не зная, не видя, встретившись, христосуемся, выпиваем, разговариваем душевно и не спрашивая откуда и как звать. Только у нас, казаков, может быть такое отношение.

И не раскаивался, что побывал в казачьей среде. Торжественно, по-казачьи, встретили праздник. Вспомнили и свой край родной и о своих любимых станицах и хуторах. И песни пели казачьи. Один старый казак пропел старую, старую песню:

ПОДЛИННОЕ ЛИЦО ГРАББЕ.

В «Возрождении» от 7 сего мая напечатан отчет о пребывании гр. Граббе 24 апреля с. г. в Брюсселе. Там читаем:

... «Атаман М. Н. Бородин, приветствуя дорогого гостя, сказал, что прибытие в Брюссель гр. Граббе было не только казачьим праздником, но и праздником общественным, т. к. к нему присоединились и многие эмигрантские организации (т. е. — русские, Ред.). — В речах ораторов — ген. Гартмана, ген. Архангельского, кап. 1 ранга Быкова, есаула Ременева и др. — было высказано много искренних и высоких слов о «величии и славе России», о казаках — авангарде русской армии — и ряде исторических событий, совершенных вождями казачества, начиная с половины XVI века... — Гр. Граббе, обращаясь к присутствующим и к джигитам, ... высказал глубокую веру в казачество и готовность казаков послужить делу на пользу нашей великой родины... Лично он приложит к общему делу все свои силы и верит, что помощь Божья укрепит и вразумит всех на жертвенность и на восстановление поруганной нашей родины»...

... «Простота и скромность гр. Граббе, с какою он отнесся к станичникам и джигитам, показали, как он хорошо знает душу русского человека».

— Все понятно!

«На заре то было, на зореньке, на восходе солнца ясного»...

Песня, повидимому, относится ко времени Степана Разина.

Утром мы поехали трамваем в Вез. Это окраина Лиона, где на фабриках искусственного шелка работает много казаков. Пока мы доехали до своей остановки, с приятелем моим говорил молодой человек, лет 30-32. Блондин, высокий, стройный. Одет, что называется, с иголочки. Мы сошли, а молодой человек поехал дальше.

— Это молодой казак Миша Я., гундоровец. Как близкий и станичник ген. Гусельщикова собирает на памятник ему. Прекрасный казак. Поехал он с женой к своему знакомому.

От остановки недалеко фабрика. Время было сбора для смены работающих. Мы стоим против ворот фабрики. На скамье сидело двое.

— В сером костюме, — говорит мой друг — Желя К., многосемейный казак, а рядом с ним — Сема Е., милая казачья душа.

В это время подходит худенький, но живой казак, еще молодой:

— Здорово, братцы!

— Это Степа К., остряк, «критик». Комарь носом не подденет. Не знаешь, когда он брешет и когда правду говорит, — говорит мой приятель.

В это время подъезжает на велосипеде еще один крепыш.

— А это — В., один из вольных казаков, а вот двое подходят — один в очках, это М., секретарь союза вольных казаков, а с ним идет в перевалку — Митя П., до мозга костей вольный казак. Видишь, как приятно у нас, в Лионе. Казаки один одного любят,

как братья. Нет делений. Каждый знает — придет время, вместе будем умирать за Казачество — и самостийник и не самостийник.

Рабочие стали входить в ворота фабрики. Мы пошли обратно. По пути я поражен был встречей с одним казаком. Пока он говорил с моим приятелем, я не мог оторвать от него своего взора. Какой красавец, думаю, ведь вот недавно я видел в синема картину «Тарас Бульба». Артист, играющий Тараса Бульбу, насколько не похож на него. А вот — воплощенный настоящий Тарас Бульба. Небольшого роста, широкий, мускулистый. А усы что значат? Эх, какие усы! Густые, длинные, как у Тараса, как у сказочного запорожца.

— Стареющий лев, думаю я. Нет, такие богатыри живут до ста лет.

— Кто это? — спрашива я.

— Это кубанский казак К.

Хотя я не встретил никого из своих знакомых, но зато увидел много казаков. Да еще каких! Неутомимых, крепких духом.

Возле трамвайной остановки промчался молодой бронец: «Здорово, молодцы!» крикнул он. Видимо, спешил куда то.

— Это молодой казак Гундоровской станицы И.

На фабрике, во время работы, он подбегает к моему приятелю и говорит: «Вы собираете на памятник ген. Гусельщику? Вот от меня пять франков» и опять убежал на работу.

Значит, казаки помнят и любят своих командиров, которые водили их битъ красных, порабитителей наших братьев.

Казачество живо. Есть порох в пороховницах.

И. Дорофеев.

Не пора ли?

Проходят годы изгнания... Гибнут лучшие патриоты. Гибнут те, которые все время проливают свет в душу казака-изгнанника. Гибнут те, которые своими стихами, своей любовью к Казачеству поставили не одну сотню казаков на вольно-казачий путь. Гибнут те, которые все время старались воскресить в казачьей памяти славное прошлое Казачества, раскрывая истину перед казаками, вливая лучи надежды на светлое будущее родных нам Краев...

Так умер Кундрючок, а теперь Назаров. Еще недавно ст. Турчанинов в своем фельетоне давал понять, что следует что то делать, чтобы уменьшить смертность сотрудников. Не трудно было бы расшифровать его замысел, но он остался гласом вопиющего в пустыне.

Причины преждевременной смерти почти одни и те же. Болезни, безработица, нужда. А потом голодовка, апатия ко всему и смерть, т. к. помощи ожн-

дать не от кого и не откуда. Казалось бы, что этому горю не так уж трудно помочь. Открыть кассу взаимопомощи крайне нуждающимся патриотам ВК.

Говорят, что это невозможно потому, что сегодня дай одному, а завтра придут двадцать. Эти доводы неосновательны. А рассчитывать на то, что умер один поэт, а на его место придет другой, — нельзя...

Давайте, братья, скинемся по грошу и учредим кассу помощи (или фонд помощи). Пусть в кассе Походного Атамана окажется лишний франк, а это может сделать большое дело — спасти жизнь не одного вольного казака, оказавшегося в трудном положении.

Нам никто не поможет, если мы сами себе не поможем.

Итак, братья казаки, с Божьей помощью за святое дело на помощь своему ближнему.

Сотник Кубанского Войска

Яков Львович Безгласный.

Доколе же?

Трудно представить, каким негодованием наполнилась моя душа, когда читал я корреспонденцию из Бельфора, где описывалось, что там казаков националистов обвиняют в коммунизме, что местной полицией было донесено о собрании казаков, (хотя они и не скрывали этого), как о собрании коммунистов.

Кто делает это? Казаки? Возможно, что и казаки. В семье не без урода. Применял же подобные способы ген. Науменко, выступая открыто в печати и обвиняя самостийников в большевизме. Обращался же он к помощи полицейских властей в Югославии...

В угоду кому все это делается? В угоду казакам? Нет. Делается это в угоду русским. И если в этих действиях, граничащих с провокацией, участвуют и казаки, то это явление чрезвычайно постыдное, недостойное казачьего имени.

Если обвинение казачьих патриотов в коммунизме исходит от русских, то удивляться этому не приходится. Русские казаков всегда обвиняли во всех смертных грехах, всегда старались наказать казака за «своеволье» и «вольнодумство». Но, почти всегда для расправы с казаками русские находили себе пособников в казачьей же среде.

Но, доколе все это будет?

С русских взятки гладки и им не стоит раз'яснять здесь, где среди эмиграции искать коммунистов или им сочувствующих. Казакам же, если они участвуют в травле своих же братьев, забыв старинный обычай — «казак казаку всегда брат», следует раз'яснить.

Невежество русских в казачьем вопросе даже в современных событиях прямо поразительное. Для них казачьая самостийность есть только заграничное явле-

ние, есть работа врагов «Великой России». Этим русским нужно было бы прочесть хотя бы «Очерки русской смуты» ген. Деникина, «Белое дело» и пр., чтобы не проявлять такого беспробудного невежества в казачьем вопросе и не говорить той чепухи, что никогда казачество не думало о самостоятельности, никогда не делало попыток избавиться от опеки «Святой Руси».

Но весьма прискорбно то, что иногда и казаки, по причинам совершенно непонятным, делают непозволительное в угоду врагам же Казачества.

Что русские считают нас, казаков националистов, «хуже коммунистов» — это их дело. Уже говорилось выше, что для казака, на русский взгляд, — смертный грех — свое суждение иметь.

Не в одном Бельфоре происходили такие явления. Помню, в Тулузе ген. Б... (Донского Войска) всем казакам, приходившим с ферм и желавшим записаться в станицу казаков националистов или просто попросить почтять журнал, рассказывал басни, что они, т. е. вольные казаки, существуют здесь нелегально, что они не имеют права на организацию легальную, что их скоро будут высылать... К станичному писарю явился чиновник из префектуры, но так как организация была легальная, то он ограничился тем, что проверил бумаги на право официального существования. Слухи, однако, не прекращались и все нити вели к генералу Б... Правление станицы в Тулузе, в составе атамана, помощника и писаря, вынуждено было потребовать объяснений у генерала Б. Скольконибудь удовлетворительных объяснений он не дал, а только «мило», по «великосветски» улыбался и все упирал на то, что, вероятно, «просто спутали и не так его поняли те казаки, с которым он беседовал»...

После этого разговора все сплетни по адресу казаков националистов постепенно прекратились.

Я недавно был в провинции, где казаки патриоты думают организовать, но и побаиваются, чтобы враги с ними не сыграли плохую шутку, чтобы не приклеили перед французскими властями ярлыка коммунистов. Некоторые опасаются заявить открыто о своих убеждениях, т. к. это грозит потерей работы, на которой они зависимы от «сердобольных и добрейших» русских людей.

Так что, братья казаки в Бельфоре, пусть не падают духом. Не только им приходится переживать подобное огорчение. Переживают их много казаки. Ка-

зачья душа многое может пережить, переживет и это. Но доколе все это будет?

Не к русским людям обращены эти строки, т. к. обращаться к ним все равно, что о степку горохом ударят. Но я хотел бы, чтобы эти строки прочли казаки.

Коммунистов или им сочувствующих следует искать не среди казаков националистов, а среди русских, тех русских, которым иногда помогают и казаки и подсказывают, кто из казаков не так думает, как желательно русским. Среди русских эмигрантских верхов сейчас происходит сдвиг в направлении к теперешнему русскому правительству. Сбывается не раз высказанное на страницах «ВК», что русские, в конце концов, между собою помирятся.

Начекается «единый фронт» тех, кто боится, как бы какой либо «кусочек» «российских просторов» не освободился бы из-под московской власти и не зажил бы по своему. Страшно этого бояться.

Много раз говорилось уже на страницах «ВК» о тех мыслях и тех отношениях, которые завязываются между советской властью и русской эмиграцией и вот никто из казаков не обвиняет русских эмигрантов в коммунизме. Не ходит доносить об этом полиции. Не пользуется своего служебного положения, чтобы лишиться русского куска хлеба.

Доколе же будет, что казаков будут преследовать за то, что они живут своим умом?

Доколе вы, русские казаки, если вы участвуете в этих доносах, будете возводить обидный поклев на своих братьев, единственно «виною» которых является то, что они стараются дать свободу тем, кто стонет под красным иглом, стараются привести на родину и казака, который стонет от непосильной работы у станков чужих фабрик, в подземельи чужих шахт, на полях чужих хуторов заграницей.

Опомнитесь же вы, казаки, которые еще не с нами, и идите к нам, а если находите это для себя еще несвоевременным, то не способствуйте русским бороться с нами и уж, конечно, не делайте самого постыдного — не занимайтесь подлыми доносами...

За казачье имя, за казачью честь все должны стать горой, во-едино, чтобы защитить честное казачье имя в эмиграции, то имя, которое носят люди, пролившие море крови в борьбе с коммунистами, а не способствовать тому или молчать, молчать тогда, когда казаков националистов называют коммунистами и строят им разного рода пакости.

Еф. Якименко.

Думы и мысли

ПЕРЕПИСКА СОСЕДЕЙ

Соприкасаясь с членами русской организации в Пероне — НСНП, мне не раз приходилось читать их конспекты, которые они давали мне, видимо, с той целью, чтобы вызвать меня по их прочтении на разговоры. Сам я лично никогда не спрашивал ни у одного из членов этого союза — нет ли у вас чего прочесть? Всегда кто-нибудь из них любезно предлагал мне прочесть, а я, не отказываясь, брал и читал. По прочтении конспекта, начинаю, бывало, высказывать свои мысли и не с намерением опорочить то, что новопоколенцы проповедают, а просто говорю, что «не ваше дело говорить и решать судьбу казаков, украинцев, грузин и др. народов не русской национальности. Это дело лежит на обязанности сих последних». И вот, сколько бы я на словах не убеждал своих собеседников своими доводами, ничего они не признают за нами: ни прав на нашу самостоятельность, ни нашего законного отстаивания своего казачьего добра, забранного русскими большевиками.

Однажды, по прочтении одного конспекта, я умышленно написал письмо одному из членов НСНП, на-

писал свою точку зрения: на что я опираюсь и что заставляет меня и всех вольных казаков идти своим историческим путем. При свидании моем с тем, кому я это писал, он сказал мне, что ему все-таки кое-что непонятно в моем письме. Тогда я, опять-таки умышленно, не разъясняя своему собеседнику, что именно для него не понятно в моем письме, прошу его, чтобы он, если чувствует себя более правым в своих убеждениях по казачьему вопросу, написал бы мне свои доводы в опровержение моих. Тут вот, по моему убеждению, у моего оппонента и не находится, что противопоставить моим твердым и справедливым основаниям, и он только с поддельной улыбкой отвечает мне: «Да зачем я буду писать вам, если мы живем вместе и говорим каждый день с вами об одном и том же. Разве вам еще мало моих доказательств?»

— Да, — говорю я, — все это не то, а вот попробуйте вы написать мне так же коротко и ясно, как это я написал вам.

Собеседник мой дал мне обещание написать свои соображения, чтобы убедить меня в «нелепости», исповедуемой мною и всеми вольными казаками идеи.

Но так он ничего и не написал. И теперь я глубоко убежден, что мой оппонент никогда не найдет того, чем бы он опроверг мою опору, когда я иду своим казачьим путем.

Второй подобный случай заставил меня так же твердо и ясно черкнуть в своем письме другому члену того же НСНП свою точку зрения и просьбу, но уже не на словах, а в самом письме, написать мне свои доводы. Было обещано, что напишет. Но, опять точка..

Болея душой и телом о своем родном Казачестве и не желая, чтобы русские здесь, за границей, говорили и решали наш казачий вопрос, я, время от времени, то к одному, то к другому члену НСНП обращался с просьбой ответить мне на два письма и, наконец, они были вынуждены ответить мне так, как и следовало ожидать: русские, не имея данных для опровержения аргументов, высказанных в моих письмах, без зазрения совести пишут мне и всем вольным казакам «нотации». И только.

На эти их «основательные доводы» я опять даю им свои пояснения и счит нужным довести до сведения своих братьев, вольных казаков, через уважаемый мною журнал «ВК», чтобы и они знали, что же говорят и что дают нам русские для будущей жизни нашего дорогого и родного Казачества.

В порядке моей переписки с некоторыми членами из НСНП, копии своих и их писем при сем прилагаю и прошу Вас, господин Редактор, поместить их на страницах дорогого мне журнала «ВК».

Оригиналы писем — Горбана и Самотовкина — я также решил послать Вам для более точного ознакомления и для сверения их с копиями.

Возможно, что дальнейшую свою переписку с лицами из НСНП я так же захочу предать гласности и хочу, чтобы она была опубликована в журнале «ВК». Я не пропущу случая препроводить ее Вам.

Приложение: Копии моих писем к Докучаеву, к Егупову и к Горбаню; ответ мне от Горбана; мое письмо к Горбаню; ответ мне на мое письмо к Докучаеву от Самотовкина; мое письмо к Самотовкину; оригиналы писем — Горбана и Самотовкина.

Искренно преданный Вам **Н. Боровлев.**

1. ЧЛЕНУ НСНП. К. Н. ДОКУЧАЕВУ

Ознакомившись с содержанием «Конспекта XVI», я ничего плохого в нем не заметил, но все же согласиться с сущностью дела в нем никак не могу.

Во-первых, потому, что НСНП слишком запоздал возродиться и проводить в жизнь начертанные им задачи. Во-вторых, потому, что Казачество, как таковое, после отречения от царствования императора Николая II и разбушевавшейся в России анархии, по приущему ему праву создав свои государственные, выработало Конституции, которые мы, вольные казаки, несем, чтим и свято их бережем. Под напором силы русского большевизма Казачество, во главе со своими Атаманами-Президентами и правительстами, ушло в эмиграцию. Борьбы же с полонившими Казачьи Земли оно не прекращало и не прекращает.

Данная Казачеством Богу клятва служить своему отечеству до последнего своего издыхания, не может быть нарушена, так как за нарушение клятвы мы, казаки, не оправдаемся ни перед Богом, ни перед историей.

И в третьих потому, что не Казачество бежало от своего народа спасать жизнь к членам НСНП, а последнее убежало от своего русского народа в Казачьи Государства, чтобы спасти свои жизни.

10-XI-35.

Казак националист и патриот **Н. Боровлев.**

2. ЧЛЕНУ НСНП М. ЕГУПОВУ

В воскресенье вечером I-XII-35, будучи с Вами, П. Г. Талановым и К. Н. Докучаевым в помещении № 20, мне пришлось со всеми вами иметь беседу-спор о Казачьих Землях.

Вы говорите, что «земля казакам была подарена русским царем» (А раз подарена, то уже не может

быть собственностью русских людей). — Никто казакам земли не дарил, а они эту землю приобрели собственной кровью.

Для того, чтобы отстоять нам свою землю от русских большевиков, по моему мнению, нужна нам посторонняя помощь. Нам нужны силы физические и материальные. Ибо мы один на один с большевиками бороться не можем. Их будет 10 человек и больше против одного казака. Даже если бы мы, казаки, и были вооружены, все равно силы не равные. В последнем случае мы могли бы бороться с большевиками, но только имея союзников таких, которые так же борются за свою независимость.

Казаков русский народ не любит за то, что они лезли к нему, а еще кое-кто лезет и сейчас в русское дело.

Для казаков националистов ясной точкой опоры является закон казачьих Конституций. Они для нас Альфа и Омега. Старый российский закон, в силу сложившихся обстоятельств, не может быть авторитетом для нас, казаков. Большевицкий закон не приемлем не только для нас, но и для всей русской эмиграции. Нового закона русская эмиграция не имеет. Хотя бы, допустим, она и имела таковой, все равно он для нас не мог бы быть руководством. Вот почему казаки националисты не смеют блуждать по чужим задворкам, так как им там нечего было бы взять в руки, как путеводную звезду, и идти туда, куда нам нужно. Казачий закон нам ясно показывает, куда идти и ясно говорит, что нам делать. Русская эмиграция бродит в потьмах и ищет не родину, а власти. Казаки националисты не ищут чужой власти, а ищут свою Родину.

Заканчивая свои соображения, хочу спросить вас: кто же кому помог утвердить пролетарскую диктатуру в России — русские ли евреям или евреям русским?

Благоволите черкнуть мне так же чистосердечно, как это пишу я Вам.

3-XII-35.

Н. Боровлев.

3. СТАРШЕМУ ГРУППЫ ЧЛЕНОВ НСНП А. В. ГОРБАНЬ

К Вам, Анатолий Васильевич, как к главе Перонской группы, я обращаюсь с покорной просьбой извинить мне, что я беспокою Вас своим письмом, в котором хочу открыто сказать по существу уже известных Вам двух моих писем: одного на имя К. Докучаева, а другого — М. Егупова.

Дело в следующем. Как то, вольно или невольно, с моей ли стороны или со стороны Ваших членов Союза К. Докучаева и М. Егупова, завязались между нами разговоры о вопросе чисто национально-казачьем. Разговаривая, споря, мы, расходясь, в душе каждый из нас считал себя правым и до некоторой степени считал доказанной свою правоту аргументами. Не удовлетворяясь тем, что я говорил своим собеседникам, мне пришлось в силу необходимости еще и написать черным по белому, на основании чего мы, вольные казаки националисты, исповедуем чисто казачью веру. Не раз, а несколько раз я обращался к Докучаеву и Егупову, так же откровенно и чистосердечно черкнуть мне свой ответ по существу моих писем. Правда, они обещали ответить, но, как оказывается, обещание так и осталось обещанием.

В воскресенье 23-II-36 (на прощенный день) к моему глубокому удовлетворению, лично от Вас, в коридоре русской «кантины», я узнал, что ответ на вышеупомянутые мои письма уже есть и Вы обещали разыскать его, так как он, как Вы сказали, «где то затерялся». Кроме того, Вы любезно пригласили меня и даже моих единомышленников присутствовать в воскресенье, 1-III-36 на собрании членов НСНП в русской кантине. Правда, я тогда дал Вам свое согласие присутствовать, но по уходе Вашем, мысль оставила меня от исполнения данного Вам согласия. Почему? Зная уже, что на мои письма есть ответ, в случае не розыска его Вами, Вы постараетесь совместно со своими единомышленниками дать мне ответ на словах, если я буду присутствовать на вашем собра-

нии. Меня опять это не удовлетворяет, ибо вопрос казачий настолько велик, что я не могу выслушать среди публики одни слова, не запечатленные так же искренно, как это сказано мною в письмах упомянутым членам Вашего Союза.

Не прочь послушать Ваших слов на собрании НСНП когда-либо, но на сей раз я решил воздержаться быть на Вашем собрании, не получив письменного ответа на свои письма к Докучаеву от 10-XI-35 и к Егупову от 3-XI-35.

Поверьте мне, Анатолий Васильевич, что не из любви к искусству писать и мараить бумагу я затрагиваю Вас, но по долгу чести и совести казака это делаю. Так как разрешение казачьего вопроса необходимо оформить не только на словах, но и письменно и тогда только одна из спорящих сторон окончательно может умолкнуть, если не найдет аргументов для защиты своей правоты.

26-II-36.

Казак националист Кубанского Войска

Н. Боровлев.

4. ГОСПОДИНУ БОРОВЛЕВУ

В ответ на Ваше письмо от 26-II-1936 г. должен прежде всего выразить свое удивление тому, что Вы стремитесь на все поставленные Вами вопросы иметь письменные ответы, в то время, как всем известно, что устные разъяснения несравненно полнее, яснее и понятнее (политики для этой цели совершают поездки за тысячи километров). Тем более в спорных вопросах, где нужны аргументы на возражения и доказательства, в связи с возможностью углубления данного вопроса. Что касается казачьего вопроса в целом, то рассматривая казаков, как членов одной общей Российской семьи Великой Империи, мы уделяем ему много внимания, цена по заслугам роль Казачества в истории России; самостоятельное же движение здесь, в эмиграции, мы считаем не жизненным, созданным искусственно на иностранные деньги державами, заинтересованными в расчленении России, и поддерживаемое авантюристами, руководящимися в этом либо личными материальными интересами, либо ищущими дешевой популярности и удовлетворения своего мелкого тщеславия. К счастью, подобным проходимцам удалось пока на этот нездоровый путь сманить немного честных и порядочных казаков, верных своим традициям, и поэтому искренно жалея обманутых, мы не придаем серьезного значения данному движению и не находим нужным бороться с ним, так как оно само по себе обречено на вымирание. Ведь в самом деле, это самостоятельное стремление к выделению Казачества в особую державу не имеет никаких основ: ни исторического, ни идеологического, ни логического, ни, наконец, практического основания. К сожалению, я не могу здесь развить эту тему, так как для этого понадобилось бы и много времени, и много бумаги, а, как я уже сказал выше, вопрос этот не заслуживает такого внимания. Скажу лишь вкратце, что мне совершенно непонятно, по каким причинам может произойти слияние одиннадцати (11) казачьих войск, входивших в Российскую Империю и объединенных одной Великой Родиной в отдельное казачье государство, различных по своему историческому происхождению, укладу жизни и быта и не имеющих даже другого общего языка, как русского, не говоря уже о том, что при подобном слиянии несомненно встретятся и различные политические интересы. Допустим даже на момент, что такое образование возможно, то в таком случае это новое государство, созданное из хлебоборных территорий казачьих Войск, не имея никакой индустрии, должно с первого же дня своего образования подпасть под экономическую зависимость какого-либо европейского государства, а там, где есть зависимость экономическая, существует и политическая, потому что экономика и политика неразрывно связаны между собой и, если хотите, вторая является следствием первой. Вот тут то совсем непонятно стремление самостоятельных казаков отрываться от своей родной славянской семьи с тем, чтобы отдать

себя в зависимость от какой-либо чуждой и по крови и по культуре иностранной державы; да еще в то время, когда в Европе царит право сильного и когда все малые государства, даже не связанные духовно, стараются сгруппироваться в различные «кантанта» и блоки, чтобы иметь возможность противостоять хищническим аппетитам более сильных.

Мне пришлось слышать от Вас, что казаки были притесняемы старым правительством (с этим, конечно, не могу ни в коем случае согласиться и сами казаки ясно понимают, что это есть новый поклеп) и это обстоятельство Вас заставляет стремиться к отделению, ибо ни одна национальная организация в эмиграции не мыслит о восстановлении старого режима в целом, а стремится к возрождению Великой Национальной России. НСНП представляет будущей строй возрожденной Родины построенным на началах трудового солидаризма, при полном равноправии всех народностей, входящих в Великую Империю, с сохранением своих бытовых и национальных особенностей, вплоть до самоуправления. Поэтому, на мой взгляд, всем честным и верным казакам, проникнутым любовью к родным местам, путь один общий с НСНП к свержению большевиков, как власти интернациональной, и возвращению своей Родине былой славы и величия.

Что касается конца вашего письма, где Вы говорите: «Так как разрешение казачьего вопроса необходимо оформить не только на словах, но и письменно», то могу лишь заметить, что не нам с Вами надлежит решать и придавать окончательную форму таким вопросам. И как бы мы его ни оформляли, ни в коем случае он не может быть принят и проведен в жизнь без участия многомиллионного русского народа и, в частности, Казачества, находящегося сейчас на Родной Земле, но под игом кровавого интернационала.

В заключение могу лишь сказать: если Вы не преследуете каких-либо особых целей, а следуете слепо за Вашими жокаками, то, как честный казак, задумайтесь над тем, что Вас заставляет жить в русской кантине, искать общения с «Вашиими угнетателями» русскими людьми, говорить на «ненавистном Вам» русским языке. Прислушайтесь к голосу Вашего сердца и Вы поймете, что вызывает мятеж в Вашей душе в какую пропасть влечет Вас и Вами увлекаемых Ваше заблуждение и беспредельная вера беспринципным авантюристам, играющим на Вашей готовности выполнить свой долг перед Вашей Родиной. Охраняйте чистое имя казака и не позволяйте его опозорить изменой. Этого не простит Вам Ваше же Казачество и с позорным клеймом не допустит, когда Господь Бог доведет, войти в обновленную нашу общую дорогую Родину Россию.

Пишу Вам так, потому что верю в Вашу искренность. Внешне же все Ваше поведение, вплоть до переписки с лицами, с которыми Вы живете под одной крышей и встречаетесь по несколько раз в день, носит характер какой-то детской игры и невольно вызывает улыбку.

В надежде, что Вы продумаете все написанное и поймете всю нелепость поддерживаемой Вами идеи, остаюсь

А. Горбань.

29-II-1936 г.

5. ГОСПОДИНУ ГОРБАНЬ

Так и я озаглавливаю свое письмо, как и Вы озаглавили ко мне свое от 29-II-36 г. просто: «Господину» и пишем фамилию. И это пишу я так только потому, что быть может Вам не нравится, что я называю Вас и по имени и по отчеству. Тогда простите. Что ж, так и будем величать друг друга, только, конечно, на «Вы».

В воскресенье 1-III-1936 при свидании моем с Вами, Вы сообщили мне, что ответ на мои письма: к Докучаеву и Егупову, я могу получить от Докучаева. Последний после обеда такого же дня принес ко мне в комнату и вручил мне два открытых письма-послания. Одно лично от Вас, писанное на мое имя 29-II-1936, а второе от г-на Самотовкина, писанная статья, види-

мо, для печати или для чтения на собрании членов НСНП, датированная еще 20-XI-1935. По смыслу этого послания, как видно, это — ответ мне на мое письмо Докучаеву от 10-XI-1935. Ответа же на мое письмо к Егупову не получено мною. А хотелось бы иметь ответ и на то письмо.

На лично Ваше ко мне письмо в защиту казачьих прав и справедливости буду пояснять Вам в порядке изложения Ваших строк так, как подсказывает мне казачья совесть и долг.

Да, на все поставленные мною вопросы я хочу иметь ответы писанные...

Казачество, как таковое, немогло и не может быть членом одной общей Российской семьи. В прошлом оно по принуждению было членом Российской семьи. С перерождением России из белой в красную, некоторые Казачьи Войска сразу же отмежевались от ново-рожденной и боролись с красными поработителями не за власть и не против власти новой России, а исключительно защищали свои Края от вторжения в них красных завоевателей не только Казачьих Земель, но покушавшихся завоевать и весь мир. Самостийное движение здесь, в эмиграции — явление не заграничного производства, а оно начало свое имеет из своих родных Казачьих Земель и продолжает свое дело отстаивания своих Земель для независимого существования — как от России красной, России черной, или какой третьей, так и от иностранной какой-либо державы. Это самостийное движение Вы считаете не жизненным. Нет, оно жизненно, как само Казачество. Лица, стоящие во главе этого движения, в моих глазах, имеют больше доверия, нежели какой-либо из русских генералов. Если Вы считаете проходимцами тех людей, то кто же тогда те русские генералы и иже с ними, которые шли на Казачьи Земли спасать свои жизни от своих же людей, только в красной рубашке? Это для меня проходимцы-беженцы в полном смысле этого слова. Я лично своим вождям верю и доверяю им свою судьбу сейчас и в дальнейшем. Хорошо Вы мыслите, что не находите нужным бороться с самостийным движением. А что оно «обречено на вымирание, то пускай оно вымирает до тех пор, пока не достигнет своей цели. Если бы Казачество не имело никаких основ к выделению в особую державу, то оно не боролось бы, как в прошлом при Петре и Екатерине, так и при большевиках в 1917-1920 г. г. Это Вам в доказательство того, что Казачество имеет основы: исторические, идеологические, логические и, наконец, практические. Слияние одиннадцати (11) Казачьих Войск легче может произойти, чем слияние их с русскими людьми «там», которые задалась целью стереть с лица земли все казачество. И это есть не угроза, а факт неоспоримый. И в будущем сколько бы русские ни старались о слиянии Казачества с русским народом, все равно ничего не получится. Это все равно, что делать слияние воды с маслом. Вода так и останется водою, а масло — останется маслом. Язык, быт и политические интересы не угрожают Казачеству никаким бедствием, если только оно не будет терзаемо со стороны других. При образовании самостоятельного казачьего государства, Вы уж не беспокоитесь, что у него нет на первый случай своей индустрии и потому Казачество может подпасть в зависимость от какой-либо европейской державы. Об этом беспокоиться будет само Казачество. Вы смотрите сами за собой. Попечение русских о Казачестве не искренно, так как они его собственное добро, как-то: землю, что на земле и под землю, по старой привычке все хотят валить «в общий Российский котел и так, что Казачество не получит отсюда и об'едков» (слова в кочках г. И. Ф. Быкадорва, записанные в кн. «Казачество»).

Да, казаки были притесняемы старым русским правительством. Об этом говорили и говорят не только вольные казаки националисты, но говорят об этом и русские, и др. иностранцы. Русский писатель А. И. Куприн в книге «Казачество» написал так: «Справедливость требует сказать, что с ними (это с казачьими

вольностями) не особенно бережно считалось правительством до-революционных времен, еще помнившие былые смуты и тревожные годы. Но союз с вольным человеком прочнее союза с человеком приневоленным... Другой русский литератор-публицист А. Б. Петрищев там же написал: ...«Не будем смотреть, — сословие ли казаки. Но их история вовсе не так проста. Существовали казаки без монархов. И существуют монархи без казаков... Третий русский б. Старш. Председ. Моск. Судебной Палаты В. Н. Челищев там же написал: ...«Напрасно видят в возникших на территории казачьих войск государственных образованиях проявление самостийности... Но я спросил бы возражающих, что делал бы авторитет Главного Командования, если бы он был одинок и не находил поддержки в авторитете правительств Дона, Кубани и Террека?» Четвертый, русский ген. б. при ген. Деникине — А. С. Лукомский там же написал: ...«Казачество прежде всего вернуло себе «вольности», Круги, Рады, выборных атаманов и стремились объединить в своих руках все законодательство в пределах своих войск... Не только эти русские люди говорят о казачьих правах и их самостоятельности. Таких много, всех не перечесть. Теперь там же написал Аббат Шарль Кене так: ...«История Казачества показывает, что в области свободы, которая им столь дорога, они скорее больше потеряли, чем приобрели... Разве можно заподозрить в этом справедливом взгляде русских и француза, и возведение на русское правительство поклепа? Ничуть. Правду Божию не скроешь.

По Вашему, все казаки должны идти путем НСНП, а по моему, казаки должны идти своим казачьим путем, не сворачивая ни вправо, ни влево и, как сказал покойный Донской Атаман А. Богаевский в своем приказе от 14 апреля 1924 года № 3, ...«Казаки знают, что линия Атамана и Правительства ни правая и ни левая. Она линия казачья, основанная на постановлениях Хозяина Донской Земли — Войскового Круга, принятых еще на Родине. Она не партийная, а потому и не нравится партийным группировкам... А ныне здравствующий Атаман Терского Казачьего Войска ген. Г. А. Вдовенко в книге «Казачество» написал так: ...«В 1917 г. наступает революция. Весь русский народ, в том числе и казачество, приветствуют ее, как новую зарю к свободной жизни. Государственная власть в России переходит к временному правительству, которое возвращает Казачеству самоуправление. Казачество начинает устраивать свою жизнь по своим древним формам, которые выковылались столетиями его самостоятельной жизни... С 1917 г. Казачество снова начинает творить свою жизнь по своему разуму, без всякой опеки центральной власти... Слово «самостийник», как враг единства России, и до сих пор бросается упреком по адресу Казачества. В этом необходимо разобраться. Если бы в это время на территории государства Российского побольше бы возникло государственных территориальных образований с национальным самознанием, освобождающихся от большевицкого засилья, то большевики не захватили бы всю Россию, и возрождение ее было бы давно фактом».

Итак, Терский Атаман сказал: «В этом необходимо разобраться». Вот казаки националисты давно в этом разобрались и идут своим путем так, как Казачество с 1917 г. шло и творило свою жизнь по своему разуму, без всякой опеки центральной власти, просто выражаясь без русских мужиков. Не разбираются в этом только еще некоторые казаки, а русские не разбирались, не разбираются, да и не хотят они разбираться в этом. Да это и не их дело.

Вы заметили мне, что не нам надлежит решать и придавать окончательную форму таким вопросам, как казачий. Нет, мы, современники, должны быть участниками в решении каждый своих вопросов. Не все нужно нам валить на плечи тех, кто остался «там». Здесь, за границей, казаки должны решить свой казачий вопрос; русские должны решить свой вопрос; украинцы — свой и т. д. А там, дома, когда Бог приведет вернуться нам туда, примут или не примут наше

решение, там мы всенародно окончательно решим, как мы должны жить.

Правда, я не преследую никакой особой для себя лично цели, следуя сознательно за своими казачьими вождями, и, как честный казак, откровенно Вам скажу, что лично моя жизнь заставляет меня жить в русской кантине просто, как выгодное условие в материальном отношении, а духовного общения, по крайней мере, я не ищу с русскими.

Кстати, например, скажу Вам о духовном общении самих русских в этой же кантине. Одни живут духом монархическим, другие — демократическим, а третьи просто живут своим духом и выжидают, кто выиграет в будущем, тогда и они будут жить с тем одним духом. Так русские с русскими ищут общения. Это Вы и сами хорошо знаете и видите. Что же касается того, что я говорю на русском языке, так это несколько не препятствует ни мне, ни русским заниматься каждому своим делом, не нанося вреда друг другу при достижении своих целей. Говорят же бельгийцы, швейцарцы, датчане, австрийцы и американцы на тех языках, что говорят англичане, французы и немцы? Говорят. Каждый из этих народов живет и процветает на своей земле. Этого хочет и Казачество, а Вы все-таки почему-то возмущаетесь и удивляетесь тому, что казаки говорят на русском языке.

Не говорил я того, что не должно быть; это, якобы заграничей русские люди почитаются мною угнетателями Казачества. Пока в эмигрантской жизни я этого не видел и меня лично из русских никто не угнетал. Правда, говорил и говорю, что «там» русские угнетали и угнетают мой родной казачий народ, и даже больше того, повыгнали из родных хат, а на место выгнанных веселились русские люди. Бедное Казачество там обречено на гибель лишь потому, что они казаки... Покорно благодарю за такую «доброжелательность» со стороны русских там.

Заблуждается тот, кто идет чужим путем. Говорите Вы о беспринципности и об авантюристах казачьих вождях. Так неужели был с принципом и не авантюрист ген. Деникин и его присные — те люди, которые своей цели не достигли и не дали отгородиться Казачеству от красного русского большевизма. Повергнув Казачество в пропасть, сами теперь обрегаются по заграничей, а с ними и те, кто верил в их принципиальную честность.

Будьте уверены, что я не позволю марать чистое имя казака и не позволю его опозорить изменой Казачеству. Родное мое Казачество, не наложит на меня позорного клейма, когда Бог доведет меня войти в обновленную нашу родину Казанию, а не в Россию. Россия для русских. Туда я не пойду, ибо там моего ничего нет. Мой дом и моя земля на Кубани. Если же там и не будет моего дома, то и тогда мне легче и свободнее будет на родном пепелище поставить шалаш и жить на родной земле. Кубань это земля не русская, а казачья.

Если вы верите в мою искренность, то верьте мне, что я не малое дитя, чтобы согласиться затронутый казачий вопрос отдать решать русским людям, с которыми я живу под одной кровлей и встречаюсь по несколько раз в день.

Итак, я от начала до конца все продумал и проверил всю важность поддерживаемой мною идеи.

В дальнейшем, если Вы избраный человек, желательно было бы, чтобы на собраниях членов НСНП совсем не решался казачий вопрос, когда там не будет казаков. Этим будут заниматься сами казаки.

Если по Вашему, устное изъяснение полнее, яснее и понятнее, то по моему, кажется, не так, а вот так, как это делаю я — чертя черным по белому, будет полнее, яснее и понятнее. Слушая слова, отошел человек и забыл, чем разговор начинался и чем он окончился. Таким же способом, когда пишется на бумаге, не забывается никогда.

И, наконец, в заключение скажу, что я не намерен хулить идею НСНП так, как Вы хулите национальное Казачество. Какая бы ни была идея, она не может почитаться нелепостью. Это все равно, что я скажу, что «Вы нехороший человек», а Вы скажете, что «Боровлев нехороший человек». Всякую идею человек должен уважать, но дорожить своею. Если же чужую идею человек обливает помоями, или еще хуже, если он ее попирает, то в том человеке, несомненно, кроются нехорошие цели. Разумное осуществление своей идеи не должно наносить вреда и другому, осуществляющему свою идею. От этого взаимно будет польза. По моему, должно быть так.

6 и 7 марта 1936 г.

Останю верный долг Казачества

Н. Боровлев.

(Окончание следует).

НАДО РАЗОБЛАЧАТЬ ВРАГОВ.

Станичник редактор, обращаюсь к Вам с большой просьбой поместить на страницах журнала «ВК» нижеследующее:

Здесь, в Америке, я уже выступил в печати с разоблачениями относительно поведения и деятельности **г. Карташова**, выдающего себя за кубанского казака. Прежде всего — он совсем не казак и я рекомендую (особенно кубанцам) отмежеваться от него и вообще советую быть осторожными в будущем, чтобы не стать жертвами каких либо новых провокаторов.

Что касается Карташова, то было бы хорошо, если бы казаки, живущие в Германии или жившие там раньше и знающие о «работе» его (вроде его торфяных работ) и с ним соприкасавшиеся, написали бы мне или в редакции казачьих изданий, чтобы г. Карташов не имел возможности обманывать казаков хоть в будущем.

Мне писать прошу по адресу:

Mr. E. Boulavin, 2E. 120 st., N.Y.C. N.Y., U.S.A.

Спешу засвидетельствовать Вам мое искреннее уважение и преданность.

Е. Булавин.

ПРИМЕР НЕВЕЖЕСТВА РУССКИХ СОЦИАЛИСТОВ.

В последнем номере (№ 9-ый, 10-го мая) «Социалистического Вестника» — органа русских меньшевиков — напечатана статья некоего П. Гарви под заглавием: «Восстановление казачества». Там читаем такие «перлы»:

«Еще недавно казалось, что долгий и извилистый исторический путь казачества оборвался — и навсегда. Казалось, с корнем вырван этот неповторимо-своеобразный продукт многовековой русской истории, порожденный бегством в порожние степи всякого рода тяглых людей от кабалы и неволи московского царства — и им же поставленный на службу охраны своих юго-восточных границ, постепенно расширявшихся — при помощи того же казачества — по «евразийской» линии от Черного моря и до Тихого океана. — Но и внутри московского царства, превратившегося в великую российскую империю, бывшая казачья вольница, постепенно приручаемая и подкупаемая сословно-кастовыми привилегиями, стала оплотом царско-помещичьего строя. Убив вольнолюбивую душу казачества, давшего некогда Разина и Пугачева, кастрировав его политически, царизм сохранил однако сословно-кастовую особенность казачьих войск, чтобы тем вернее поддерживать изолированность казачества от основной массы многоплеменного русского народа и еще больше укрепить его роль, как цепного пса при самодержавии»...

Как видим, казачья история коверкается одинаково — и русскими коммунистами, и русскими социалистами, и вообще русскими людьми. В этом отношении разницы между ними нет никакой. К сожалению, есть еще и среди казаков те, кто о прошлом Казачества думает так же, как и т. Гарви. А неправильно думая о прошлом, не могут или не хотят поискать и правильного казачьего пути в настоящем к лучшему будущему Казачества — к национальной свободе и независимости, к самостоятельному казачьему государству — Казакии.

Продолжается подписка

на иллюстрированный журнал литературный и политический

ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО -- ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО

выходит 10 и 25 числа каждого месяца

Условия подписки:	на 6 мес.:	на год.:	цена отдельного номера:
Во Франции	30 фр.	60 фр.	3 фр.
В Чехословакии	40 кр.	80 кр.	5 кр.
В Болгарии	100 лева	200 лева	10 лева
В Румынии	100 лей	200 лей	10 лей
В Польше	10 зл.	20 зл.	1 зл.
В Германии	5 мк.	10 мк.	0,50 м.
В С. Америке и др. странах	2 долл.	4 долл.	0.20 долл.

За перемену адреса следует присылать: во Франции 1 почтовую марку за 90 с., из-за границы 1 международный почтовый купон.

Подписную плату посылать по адресу: Mr. I. Bilyi, 10, rue Victorien Sardou — Paris (16)